

18+

Мария Михайловна
Мансумова

Династия для одного

Мария Мансумова

Династия для одного

«Издательские решения»

Мансумова М. М.

Династия для одного / М. М. Мансумова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-648394-1

Конец Первой мировой войны, Османская империя на стороне проигравших. Страну ждёт разделение и разграбление. Мустафа Кемаль стремится найти выход из сложившейся ситуации, но все в руках правящей династии. Разные поколения, разные ветви одной большой семьи, разные цели и мечты. Герои романа снова и снова принимают решения, которые, сплетаясь, приводят Османскую империю к Турецкой республике и к принятию Закона №431 о высылке всех членов династии из страны.

ISBN 978-5-00-648394-1

© Мансумова М. М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1 глава	10
2 глава	36
3 глава	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Династия для одного

Мария Михайловна Мансумова

© Мария Михайловна Мансумова, 2024

ISBN 978-5-0064-8394-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

01 ноября 1920 года, Ангора, Турция

Рука потянулась в карман за сигаретой. Мустафа Кемаль двигался от одной группы людей к другой, иногда выслушивая, иногда перебрасываясь несколькими фразами. Кивок, означающий то ли приветствие, то ли согласие. Крепкие рукопожатия, говорящие сами за себя. Рады. Уважают. Устали. Надеются на перемены к лучшему. «А лучшее ведь будет, да?» – так и читается в глазах. Мустафа Кемаль вздохнул и посмотрел на сигарету в руке. Он уже привычно поднес её ко рту. Нет, нельзя. Не сейчас. В комнате стояла вонь немытых мужских тел, запах копоти от керосиновых ламп въедался в легкие. Вокруг то и дело раздавались лёгкие покашливания. Последние несколько месяцев приходилось разбавлять керосин для ламп в целях экономии. Одна сигарета. Никто и не заметит. Никто не возразит. Они на войне. И война вокруг них. Но нет, он не мог. «Неуважение, это будет неуважение», – напомнил внутренний голос.

– «Начнем уже!» – провозгласили.

Мустафа Кемаль убрал сигарету в карман, выпрямился и обратился к тем, кого называют теперь Великим национальным собранием Турции:

– Уважаемое собрание! Хищные птицы уже слетелись, чтобы растерзать то, что они сочли трупом. Но нет! Османская империя ещё жива! И жив ещё народ Турции, чтобы не позволить этого!

– Слава Аллаху, жив!

– Да сохранит Аллах нас от этих неверных!

– Говори, говори, Гази*¹ Мустафа Кемаль.

– Никогда народ Турции не склонял головы перед христианами! И не склонит!

– Умрём, но флаг наш будет развеваться над этими землями!

Мустафа Кемаль подождал, пока самые горячие высказутся. Да, он мог прибегнуть к своему авторитету и пресечь любые высказывания во время своей речи. Но разве не он сам выступал всю свою сознательную жизнь за право свободы для каждого турка? Разве не он, Мустафа, прозванный Кемалем за сообразительность, бросил учебу из-за запретов говорить свободно то, что думаешь? Разве не он одиннадцать лет назад помог организовать и провести революцию, положившую конец правлению жестокого диктатора Абдул-Хамида II? Он, Мустафа Кемаль. Пусть говорят те, для кого эта земля – родная. Пусть говорят те, кто питает эту землю кровью ради независимости Турции. А он подождёт. Война приучила выживать.

Собрание кипело, словно чан с водой на открытом огне. Купцы, муллы, адвокаты, офицеры – все они были единомышленны в своем стремлении возродить величие Османской империи, не склоняя головы перед Антантой. Но большая часть Великого национального собрания Турции – мирные люди. Они не знают, что такое военная стратегия. Они не знают, как проводить кампании и побеждать в войне, а не в маленьких сражениях. Поэтому, дождавшись, когда возгласы и обсуждения стихнут, Мустафа Кемаль продолжил речь с самого, на его взгляд, важного:

– В конце концов, в правление Вахидеддина, тридцать шестого и последнего падишаха Оттоманской Династии, турецкая нация оказалась поверженной в бездну рабства. Эту нацию, которая в течение тысячелетий являлась благородным символом независимости, хотели ударом ноги сбросить в пропасть. И точно так же, как ищут какую-нибудь бессердечную тварь, лишённую всяких человеческих чувств, чтобы поручить ей затянуть верёвку на шее осуждённого, так же и для того, чтобы нанести этот удар, нужно было найти предателя, человека без совести, недостойного и вероломного. Те, которые выносят смертный приговор, нужда-

¹ ***Гази – победоносный, почётный титул военачальника в некоторых мусульманских странах; лицо, носящее этот титул.

ются в помощи со стороны такой вот подлой твари. Кто мог бы быть этим подлым палачом? Кто мог бы положить конец независимости Турции, покуситься на жизнь, честь и достоинство турецкой нации? Кто мог бы иметь бесславную смелость принять, выпрямляясь во весь рост, смертный приговор, провозглашённый в отношении Турции?

Он обвёл взглядом людей, слушающих его: в глазах – огонь, на лицах – выражения ненависти.

– Вахидеддин, Вахидеддин! – закричали они, перебивая друг друга. Кто-то, сложив правую руку в кулак, бил ею воздух над головой. Кто-то стучал тростью по полу, словно протыкая штыком невидимого врага вновь и вновь.

– Да, Вахидеддин, которого, к несчастью, эта нация имела в качестве главы и которого она назначила сувереном, падишахом, халифом, – попытался продолжить Мустафа Кемаль, но в этом не было надобности. Великое национальное собрание Турции, выполняющее функции действующего правительства Османской империи, закусило удила, как лучший жеребец из всех, что скакали по этой земле. Они начали дружно скандировать:

– Да проклянет его Аллах! Да проклянет его Аллах! Да проклянет его Аллах!

А из темноты, которую не мог победить тусклый свет керосиновых ламп, перекрывая эти крики, глухо звучали другие слова: «Да благословит Аллах мысли ваши, шехзаде Вахидеддин! Да позволит служить вам, когда вы станете падишахом!»

Рука сама потянулась к кинжалу на поясе. Кто этот предатель? Да как он смеет? Как смеет произносить такие слова?! «Для меня будет честью служить вам», – продолжал голос. И, прежде чем с губ сорвалось: «Казнить изменника», Мустафа Кемаль узнал голос. Он принадлежал ему. Эти слова произносил сам Кемаль три года назад. И был искренен и уверен в своём выборе. Что же случилось с ним, с его преданностью и верностью?..

15 декабря 1917 года, Германия

Маленькая комната в придорожной гостинице. Из мебели – стол, два стула, кровать, кресло и умывальник с холодной водой. На столе, помимо тарелки с остатками еды и двух кружек, горит свеча. Её света не хватает для того, чтобы осветить комнату, она лишь неуверенно выцепляет из мрака двух мужчин, сидящих друг напротив друга.

– Завтра мы уже будем на линии фронта, шехзаде. А там наши союзники обещают оказать вам надлежащее гостеприимство несмотря на проходящие сражения. С завтрашнего дня...

– Мустафа, успокойся. Я тоже солдат. Я воевал.

Они молчат. Шехзаде Мехмед Вахидеддин, внезапно ставший наследным принцем Османской империи после смерти двоюродного брата, и Мустафа Кемаль, генерал-лейтенант Османской армии, зарекомендовавший себя славным воином. Первого отправили инспектировать линию фронта в Германии, как символ правящей династии, поддерживающий и Германию в этой войне, и людей на передовой. Ему настрого приказали не вступать в сражения. «Вы будущее империи», – словно в насмешку сказали паши. «Берегите себя», – прошептала младшая дочь, целуя ему руку. «Убей их там всех!» – прыгая вокруг Вахидедекана, кричал его пятилетний сын.

Второй же, Мустафа Кемаль, должен был сопровождать шехзаде, вместо того чтобы защищать честь родной страны.

– Несколько недель и ты сможешь вернуться к своим солдатам, – понимающе прошептал Вахидеддин.

– Смогу. А смысл? Талаат-паша, Джемаль-паша и Энвер-паша ввязали нас в эту войну, и они не позволят нам из неё выйти. А ведь мы можем выйти из войны уже сейчас! Потери будут минимальны. И пока по всей Европе продолжаются сражения, мы могли бы набраться сил, укрепиться и вернуть обратно потерянные земли!

Вахидеддин наклонил голову, молчаливо одобряя сказанное Кемалем.

– Когда я поддерживал свержение вашего брата, я думал, что так будет лучше для Турции. И что в итоге? Те, кто были со мною в этом заодно, губят нашу родину этими бессмысленными войнами. Да! Османская империя – это империя войны! Мы всегда воевали. На этом мы построили свою нацию, свое величие. Но те войны, которые обрушились на наши головы после свержения Абдул-Хамида II... Ошибка. А самая большая ошибка – это участие в том, что происходит сейчас.

– Если на то есть воля Аллаха, и Он позволит мне стать султаном, я никому не позволю принимать решения, губительные для Турции, – удивляясь словам, слетающим с губ, сказал Вахидеддин. Неужели он осмелился озвучить то, что много лет таилось в сердце? Значит пришло время?

– Да благословит Аллах мысли ваши, шехзаде Вахидеддин! Да позволит служить вам, когда вы станете падишахом! Для меня будет честью служить вам! До конца дней своих буду вашим верным подданным! Во славу и величие Турции! – воскликнул Мустафа Кемаль.

Пламя свечи резко дёрнулось, словно пытаясь сбежать. Мужчины смотрели друг другу в глаза. И именно там, в придорожной гостинице Германии при свете маленькой свечи, Мустафа Кемаль дал клятву, которую он нарушит спустя несколько лет в разгар самой важной для Турции войны. Но разве у него был выбор?

Мехмед VI Вахидеддин – 36-й султан Османской империи, 101-й халиф, правивший в период раздела государства. Сын султана Абдул-Меджида I. Вступил на престол во время заключительного этапа Первой мировой войны, в которой Османская империя участвовала на стороне Германии. Родился 14 января 1861 года в городе Константинополь Умер 16 мая 1926 года в городе Сан-Ремо

1 глава

10 июля 1918 года, Константинополь, Османская империя

Ему позволили пройти эту церемонию. Османским султанам не водружали корону на головы. Потому что корон у них не было. Но при этом они были более значимы и могущественны, чем многие из королей с этими блестящими обручами на головах. Их боялись. Перед ними преклонялись, руководимые почтением. За ними следовали, принимая их путь и ценности. Осман, сын Эртугрула, основал правящую династию. Его первого опоясали мечом, благословив на войну с неверными. Таклиди сейф² стало символом передачи власти. Кто из рождённых когда-либо шехзаде, глядя на этот меч в руках падишаха, не мечтал когда-нибудь ощутить тяжесть знаменитого оружия на поясе?! Старший брат султана Мехмеда VI Вахидеддина, плывущего на лодке из дворца Долмбахче на Таклиди сейф, так и не смог пройти эту церемонию. «Мурад V угрожает благополучию и спокойствию страны», – сказали люди, некогда присягнувшие ему. Не пройдя церемонию Таклиди сейф в положенные семь дней после восшествия на престол, он был свержен через три месяца. «Ненасящий султан» называли Мурада V люди. И Вахидеддин опасался, что и его назначат «ненасящим». И его запрут до конца жизни в каком-нибудь дворце-клетке, как Мурада. Или убьют, выставив самоубийством, как было в случае с их дядей Абдул-Азизом и двоюродным братом Юсуфом. Но триумвират пашей, как их называют в народе, слишком занят войной, чтобы отвлекаться на разные глупости. Они так и сказали про Таклиди сейф – глупость, пустяк. И позволили провести церемонию. «Пусть народ развлекается», – заявили они.

Лодка качнулась, когда Вахидеддин занёс ногу, чтобы ступить на землю, и султан чуть не упал на спину. Его поддержали. «Повелитель! Повелитель!» – взволнованно засуетились вокруг. Он растерянно принял помощь и, уже оказавшись на суше, поднял голову, чтобы посмотреть на мечеть султана Эйюпа. Вдали виднелся мавзолей Абу Эйюпа эль-Ансари, где неделю назад похоронили Мехмеда V Решада. Яркие лучи солнца слепили глаза. Пришлось прищуриться. За последние дни он много раз представлял этот момент. Но всё пошло совершенно иначе. Вахидеддину не дали настроиться, отыскать силу и могущество истинного падишаха, заключённые в его крови, чтобы стать хоть немного похожим на предыдущих султанов. Уже подвели чёрного коня. Помогли взобраться. Медленно повели по улице между рядами представителей власти, салютующих войск и простых людей. Все они приветствовали нового падишаха, а Вахидеддин сжимался, выставя острые плечи вперёд, как штыки. Слишком много внимания. Слишком много взглядов обращено на него.

Впервые за всю историю Османской Династии посетить турецкую версию коронации мог любой желающий. До младотурецкой революции только избранные мусульмане удостоивались чести быть приглашёнными на Таклиди сейф. Когда Мехмед V Решад принял власть после свержения своего брата Абдул-Хамида II в ходе революции, увидеть эту церемонию собственными глазами мог любой, кто исповедует ислам. Также были сделаны допущения для верных соратников Османской империи, придерживающихся других вероисповеданий. А сейчас – любой, кто пожелает.

Перед входом в мечеть Вахидеддин спешил, прошёл к небольшому возвышению во дворе между зданием мечети и мавзолеем. С этой позиции древнее платановое дерево выглядело иначе, чем он его помнил с двух прошлых церемоний, что посещал, будучи простым шехзаде. Сколько веков оно стояло здесь, видя каждого, кто вставал рядом с ним, показывая

² ***Таклиди сейф – (буквально «опоясывание мечом») обряд, который совершался над турецким султаном, вскоре после вступления его на престол (церемонии Джулюс) и соответствовал европейскому обряду коронации.

готовность возглавлять османскую армию, выступающую на защиту страны? Кто бы мог предположить, что он, самый младший сын своего отца, шестой в линии престолонаследия, доживёт до этого дня? «Шехзаде слишком слаб. Есть опасения, что он даже до обрезания не доживёт», – заверяли врачи. Дожил. «Шехзаде недостаточно ловок и силен. Военная подготовка не для него», – говорили учителя. А он с честью прошёл русско-турецкую войну, сражаясь наравне с выносливыми и могучими солдатами. «Брат, для политика главное – уметь принимать решения. Это не твое», – одёргивал его Абдул-Хамид. Что ж, Создатель распорядился иначе.

Вахидеддина опоясывают мечом основателя династии. Чтобы не забывал – он отвечает за всех потомков султана Османа. Его опоясывают мечом четвёртого праведного халифа Али. Чтобы помнил – он не просто правитель Османской империи, он отвечает и за каждого человека на этой земле, исповедующего ислам. Третий меч, которым его опоясывают, принадлежал султану Селиму I Явузу, начавшему активно завоёвывать новые земли для турецкого народа. Столетиями каждый, кому надевали этот меч на пояс, считал своим долгом расширить и укрепить империю. Не у всех получалось. Теперь его черед. Каким правителем он будет? Как Осман, давший начало могучему роду? Как Али, ставивший интересы веры выше всего, что есть на земле? Или как Селим I Явуз, присоединивший к империи большие участки территории?

– Султан Мехмед VI Вахидеддин, правьте вечно! – прокричал кто-то. И все, пришедшие на церемонию, подхватили эти слова, повторяя не очень складно, но громко и выразительно.

– Султан Мехмед VI Вахидеддин, пусть ваша дорога всегда будет чистой, удача сопутствует вам. Живите веками со своим государством!

– ... Пусть ваша дорога...

– Повелитель! Что вы делаете? Вы не должны повторять эти слова!

Вахидеддин склонил голову, пытаясь скрыть смущение. Больше пятидесяти лет он был тем, кто скандировал пожелание благословений для султана вместе со всеми. А сейчас всё это предназначено ему.

Мечи один за другим сняли. Однако тяжесть никуда не ушла. Он словно продолжал ощущать их на своём поясе. «Стоит принять на себя ответственность хоть раз, и ты больше не сможешь стать прежним. Она будет преследовать тебя, не позволяя отказаться от неё», – вспомнил Вахидеддин подслушанные слова Абдул-Хамида II, когда тот наставлял своих сыновей. Так вот что он имел в виду!

Назначенный несколько дней назад на пост главы корпуса «Победоносной армии Мухаммада» седобородый Хумаюн сделал два шага вперёд и, отсалютовав, провозгласил:

– Слушайте, слушайте все, что скажет Мехмед VI Вахидеддин хан хазрет лери³! Да благословит его Аллах и приумножит дни его!

Пятнадцать. Минимум пятнадцать вариантов этой речи подготовили для султана. «Вам нужно только выучить», – говорили Вахидеддину, как маленькому ребёнку. И он выучил. Отрепетировал паузы. Отработал интонации и акценты. Всё было идеально. Но что же сейчас? Почему он забыл всё? Почему в голове нет даже туманных очертаний, о чём же ему следует сказать в этот момент? Сотни пар глаз обращены на него. Люди ждут. Говори, падишах, говори. Сердце сжалось. Опозориться ещё раз за это утро на глазах у народа? Нет, нет, нет. Только не это!

– Я не был готов к тому, что стану султаном. С самого детства я был слабым, и все, как один, были уверены – я не проживу долго.

Он произнёс не то, что следует говорить. Султаны, правлению которых он стал свидетелем, всегда рассказывали о славе Османской империи, о непоколебимости турецкого народа,

³ *** Аналогом приставки Хазретлери в русском языке являются «*Ваше Святейшество, Ваше Высочество, Ваше Величество*».

о неотделимости территории, о шахаде*. Но он говорил о том, что было у него на сердце, разум отказался вспоминать заготовленные речи.

– А сейчас моё время подходит к концу. Одному Аллаху ведомо, сколько дней мне осталось на этой земле. Я не готовился к этому, потому что были шехзаде, коим надлежало стать падишахами раньше меня. Но Создатель распорядился иначе, призвал прежде времени к себе моих братьев и возложил на меня эту обязанность. Я удивлён. Молитесь за меня, чтобы Аллах давал мне мудрость быть добрым, справедливым и непреклонным правителем.

Вахидеддин видел, как люди переглядываются. И он не хотел даже предполагать, о чём они думают сейчас и каким видят его. Абдул-Хамид часто повторял, что если правителя любит народ, значит, правитель слаб, значит он – никчёмный. Позор для династии.

– Аллаху акбар, – закончил своё выступление произнесением такбира султан. Люди сразу же подхватили, стройно восхваляя Бога. Вахидеддин боялся встретиться взглядом с Хумаюном. Словно он не пятидесяти семилетний потомок смелых вояк, а маленький мальчик, которого отчитывают за кражу орехов из соседнего сада.

Хумаюн же подошёл к султану и, пытаясь перекрыть крики толпы, проговорил:

– Повелитель мой, нам пора. Нужно завершить церемонию.

«Европейские монархи тоже вынуждены пройти три этапа ради признания их полноценными правителями?» – впервые задумался на эту тему султан. Как только объявили о смерти Мехмеда V Решада, Вахидеддина привезли в дворец Топканы, не позволив даже оплакать брата. А всё потому что раньше, во времена отсутствия порядка престола наследования, все представители династии мужского пола и происходящие по мужской линии имели право на престол. Нужно было успеть первым приехать в столицу и пройти церемонию джюлюс, чтобы зафиксировать законность нового султана во избежание смут. Именно после этой церемонии и отдавался приказ об удушении братьев нового правителя. Законом это позволялось. «Тот из сыновей султана, который взойдёт на трон, может убить своих братьев ради целостности империи» – гласит кодекс Мехмеда III. И выносили гробы. И рыдали матери. И бросались на землю без сил жёны. Эта традиция поддерживала стабильность Османской империи, но рвала на части сердца, заставляя становиться братоубийцей каждого султана. А потом вмешалась женщина. Законная жена падишаха, мать и бабушка султанов. «Благословенная Кёсем» называли её между собой представители династии. Она изменила многое. Создала чёткий порядок наследования: старший в династии становился султаном. А церемонию джюлюс сохранили как дань уважения традициям.

Из дворца Топканы вынесли трон, установили перед третьими воротами. Двор заполнили чиновники, учёные, офицеры. Вахидеддину сообщили об этом, сопровождаемый слугами он вышел навстречу людям. Прежде чем сесть на трон, о котором мальчишкой он и мечтать не смел, Вахидеддин поприветствовал пришедших. «Пусть вы и ваше царство проживёте тысячу лет!» – раздалось в ответ. А затем началось то, что он помнил очень смутно: один за другим члены двора приносили присягу на верность. Кто-то шептал ему на ухо то и дело: «Мой султан, вы можете встать». И он вставал. «Мой султан, вы можете отдохнуть». И он садился. «Вы можете вставать» – вставал. «Вы можете отдохнуть» – садился. И так до тех пор, пока не присягнет на верность каждый пришедший. Скажите ему тогда: «Мой султан, вы можете умереть» – и умер бы. Сразу же после церемонии – к телу брата, нужно было заняться организацией похорон, ведь он теперь старший в династии. Выслушать поздравления, принять сожаления, «Пусть вы и ваше царство проживёте тысячу лет», слёзы, «покойся с миром, наш султан», похороны. Но этого недостаточно – нужно пройти опоясывание мечом. Прошёл. Надлежит теперь объехать могилы предшественников.

И первым делом он посетил Мехмеда V Решада, захороненного здесь же. Будучи самым младшим сыном Абдул-Меджита I, Вахидеддин пережил всех братьев. Почти на каждую

смерть он реагировал спокойно – на всё воля Аллаха. Но впоследствии иногда всё же ощущал что-то похожее на грусть. С каждой смертью он становился более одиноким.

Решад был старше на семнадцать лет. Большую часть своей жизни он провёл в страхе перед Абдул-Хамидом. И этот страх сковывал его, мешая думать, решать, действовать. Абдул-Хамида свергли и заключили под домашний арест. Жизнь предоставила Решаду шанс выйти из тени и проявить себя. По крайней мере так думал Вахидеддин. Он всегда считал Решада умным, начитанным, тактичным, рассудительным. Он мог дать империи то, в чем та нуждалась – стабильность.

– Султан мой, – вспомнил Вахидеддин один из разговоров с Мехмедом V Решадам. – Эти войны не имеют смысла, но всё то, что было до этих времён – вынужденная мера. Защита. А союз с Германией в предстоящей войне... Слишком много союзников. Каждый преследует свои цели. Если мы...

– Шехзаде, посмотри, посмотри, брат мой – какую книгу мне привезли! Это сборник изящной персидской поэзии. Тут такие прекрасные строки! Послушай, я зачитаю...

И он вдохновенно читал стихи, добровольно отстраняясь не только от решения проблем, но и даже от обсуждения оных.

Вахидеддин машинально выполнял положенные ритуалы. Великие правители, оставившие после себя славные легенды и предания. Перед каждым – омовение, поклон, молитва. Недостойные правители, способствующие возникновению червоточины в таком могучем дереве, как Османская империя, – омовение, поклон, молитва. Султан двигался по Константинополю в окружении дворцовой свиты, янычар и простых зевак. Последние вызывали только зависть: они свободны жить так, как хотят, и могут уйти в любой момент. Он поднимал руку вверх, обращая ладонь к ним, и слегка наклонял голову. А Хумаюн, вздохнув, надвинул папаху на лоб. Пожелтевшая шерсть закрывала брови, делая взгляд главы корпуса «Победоносной армии Мухаммада» ещё более угрожающим.

– Повелитель мой, кланяются слабые перед сильными, – напомнил он, придерживая коня падишаха.

Вахидеддин спешил и замер перед входом в мавзолей его деда Махмуда II. Он любил слушать рассказы про султана-реформатора, прозванного Справедливым. В этом же мавзолее нашли последний приют дядя Вахидеддина – Абдул-Азиз – и брат Абдул-Хамид, отошедший в вечность в начале года. «Кровавый», – прозвали Абдул-Хамида. «Жестокий», – говорили про него. Справедливый султан правил тридцать один год. Кровавый же султан – тридцать три года. Один был примером для подражания, второй подавлял всех и всё вокруг себя, не давая и капли свободы.

После смерти Абдул-Хамида британский журналист спросил у Вахидеддина, бывшего тогда наследным принцем:

– Какое ваше самое яркое воспоминание о брате?

– Он был мудрым, беспристрастным и любил свою семью, – ответил тогда Вахидеддин. Заученные определения, которые он использовал с того дня, как Абдул-Хамид стал султаном. И этого было достаточно. Мудрый, беспристрастный, любящий семью.

Разве он мог рассказать своё самое яркое воспоминание? Да и какое было ярче?

Джемиле, их сестра, полностью облачённая в чёрное, стоит на коленях перед Абдул-Хамидом. Бледное лицо, безжизненные впалые глаза полные слёз, руки дрожат.

– Повелитель, султан мой, брат мой, – рыдая произносит она, наклоняясь всем телом к полу и прикасаясь тонкими пальцами к блестящим ботинкам Абдул-Хамида. – Помилуй, брат мой.

Непреклонный султан делает шаг назад, высвобождая обувь из рук старшей сестры. Он молчит. Лицо – словно каменная маска. Сожаление, сочувствие, одобрение, поддержка, любовь, в конце концов! Где всё это? Словно чужие друг другу.

– Хотя бы сыновей, прошу, сыновей моих пощади! Сошли на край мира, заточи в тюрьму – что угодно, только сохрани жизнь, прошу тебя.

Султан молчит. И даже не смотрит на женщину у его ног.

– Брат, памятью нашего отца умоляю тебя!

Без ответа. У Махмуда-паши, верного советника султана, дрогнул ус с правой стороны. Отчаяние в голосе женщины не может оставить равнодушным. И разве можно спокойно смотреть, как эта некогда гордая и высокомерная султанша умоляет со слезами, как безродная?

– Именем пророка нашего Мухамедда, да будет благословенно имя его, заклинаю тебя, пощади моих детей! – срывающимся голосом прокричала Джемиле.

– Это святотатство. Прекрати, – сказав это, Абдул-Хамид дал знак, чтобы султаншу увели. На следующий день мужа Джемиле вместе со всеми их детьми казнили.

Через десять лет точно так же казнили другого человека. За него даже просить не позволили. Этим человеком был Ахмед Кемалледдин. Да, именно тогда младотурки поняли: если Кровавый султан родного брата не пожалел – он уничтожит каждого на своём пути, если сочтёт угрозой. Сейчас Ахмед должен был зваться падишахом, а не Вахидеддин. Ахмеду надлежало править Османской империей в это нелёгкое время. Вахидеддин не мог забыть безжизненное тело брата. На войне он видел много трупов, сам убивал без колебания. Но тело Ахмеда врезалось в память.

– Так было нужно для империи, – одним предложением объяснил свой поступок Абдул-Хамид.

Когда через четыре года после смерти Ахмеда произошла революция, Вахидеддин поддерживал младотурков. Негласно, не демонстрируя, но поддерживал. Кто угодно на престоле, только не братоубийца. Почему Абдул-Хамида похоронили в мавзолее Махмуда II рядом с дедом, которым так восхищается Вахидеддин?

Омовения, поклоны, молитвы. Великий султан, жестокий султан и... дядя. Абдул-Азиз взойшёл на трон после смерти отца Вахидеддина. Абдул-Меджит умер молодым в тридцать восемь лет, оставив после себя большое потомство. Вахидеддину было на момент смерти отца всего четыре месяца. Абдул-Азиз имел двоих сыновей, в то время как рядом подрастало шестеро племянников. И он делал всё, чтобы власть осталась у его потомков, не переходя к сыновьям брата. Хотел изменить закон о престолонаследии в пользу своего сына Юсуфа. Подкупы, махинации, заговоры. Абдул-Азиз запретил сыновьям брата иметь больше одного ребёнка. Жениться тоже запрещал. Растратил государственную казну, и в итоге его свергли, когда Вахидеддину было пятнадцать лет. И на трон взойшёл старший сын Абдул-Меджита, Мурад V. Они получили свободу. Мурад перестал скрывать двух дочерей, рождённых против распоряжения Абдул-Азиза. Другие шехзаде смогли жениться. Мир был наполнен перспективами.

Мавзолей Хатидже Султан стал последним местом в церемониях принятия власти новым падишахом. Хумаюн-паша отговаривал Вахидеддина от этой поездки, но султан был категоричен:

– Для меня он настоящий падишах.

Подойшёл к гробу, поклонился, поднял ладони к небу, произнёс молитву, поклонился, прикоснулся к гробу. Маленький гроб, не такой роскошный, как у прочих. Словно не султан здесь лежит, словно не сын и не внук султана... Мурада сочли безумным. Свергли. Заточили на долгие двадцать восемь лет. Многие его дети и внуки родились за это время, не видя ничего за стенами выделенного им дворца. Он умер четырнадцать лет назад, подарив своей семье освобождение. И город словно наконец-то вспомнил про ещё одного султана. Он воплотился в своих детей и внуков, которые жадно черпали жизнь, получив такую возможность. «Сын султана Мурада V, дочь султана Мурада V, внук султана Мурада V», – произносилось то и дело

в разных сторонах Константинополя. А он, султан Мурад V, лежал здесь, но уже не забытый, как в течение двадцати восьми лет заключения.

– Им это не понравится, – заметил Хумаюн-паша, когда султан вышел на улицу и подошёл к своему коню.

Не было необходимости уточнять, о ком идёт речь. Не нравится что-то могло только триумвирату пашей, которые фактически руководили страной последние пять лет. И если до этой минуты Вахидеддин ещё не знал, каким правителем ему быть, что предпринимать, какой позиции придерживаться, то сейчас он наконец-то определился. Он знал, каким султаном точно не будет. Не будет прятаться, как Решад. Не будет беспричинно жесток, как Абдул-Хамид. Не позволит отнять право, данное ему Аллахом, как Мурад. Не будет пользоваться властью в личных целях, как Абдул-Азиз. А это уже создаёт определённые правила действия.

– Я родился в семье падишаха, Хумаюн. Я брат падишахов. И с этого дня, по воле Аллаха, я – султан этой империи и халиф всего исламского народа. «Им» следует не забывать, что это значит, – удивлённый собственной решимостью и твердостью произнёс Мехмед VI Вахидеддин, забираясь на коня. Это был тяжёлый день, и он ещё не закончен.

04 августа 1918 года, Константинополь, Османская империя, дворец
Долмбахче

Прошло три недели с тех пор, как Хумаюн-паша отправился известить армию и флот о том, что новый падишах Мехмед VI Вахидеддин взял на себя обязанности главнокомандующего. «Зачем вы послали в это путешествие человека, отвечающего за вашу безопасность, повелитель?» – спрашивали у него. «Развезти письма и распоряжения может любой солдат. Да что там солдат – есть специальные курьеры для этого», – подходили к султану с нравоучениями. Всё не так, всё неправильно, следует иначе поступать, наш господин. Словно власть – не в его руках. Словно не ему они присягали на верность месяц назад. Словно он – пустое место. Как и Решад.

– Али, – обратился Вахидеддин к привратнику.

– Приказывайте, мой султан!

Безусый светловолосый парень подпрыгнул на месте, чуть не выронив из рук винтовку.

– Нет вестей от Хумаюна-паши?

– Нет, о мой султан.

Опустил голову, сжался, боится посмотреть даже на тень султана.

«Неужели последние пять недель изменили меня настолько сильно, что теперь каждый предпочитает избегать моего общества?» – с тоской подумал Вахидеддин, направляясь в сторону сада дворца Долмбахче. Он ещё не привык, что может спокойно находиться здесь, ходить, где пожелает, и не прятаться в личных покоях. А сад был поистине прекрасным! Садовник получал целое состояние и полностью его отрабатывал.

– Ах, отец мой!

Девушка, читавшая в беседке книгу, легко подбежала, обхватила его правую руку, прикоснулась губами и поднесла ко лбу. Вахидеддин левой рукой погладил младшую дочь по щеке и улыбнулся. По сравнению со своей старшей сестрой, Сабиха очень красива. Но притягивает к ней людей другое. Есть в этой двадцатипятилетней девушке что-то воздушное и немного взбалмошное.

– Вы прогуляетесь со мной по саду, султанша? – наклонившись и приложив правую руку к груди, шутливо спросил Вахидеддин.

– Султан мой, – проговорила девушка, выпрямившись и медленно отвесив поклон в ответ. – Вы чрезвычайно проникательны! Мне как раз есть о чём поговорить с вами, отец. Я планировала просить передать моё желание о встрече с вами после обеда, но раз вы сами здесь...

Султан взял дочь под руку, и они медленно зашагали вглубь сада. Али сделал рывок в их сторону, но Вахидеддин, заметив его, жестом дал понять: «Не надо, мы желаем побыть наедине». Привратник резко вскинул руку, отдавая честь, сбил феску. Султан слышал, как на этого парня уже жаловались несколько султанш. «Оставьте его», – говорил на это Вахидеддин. «Ему и так непросто», – заступался за привратника султан, потому что знал, как сложно быть неуклюжим.

Отец и дочь гуляли по саду. Вахидеддин предполагал, о чём может пойти разговор, поэтому не торопил девушку. Три года назад старшая дочь тоже пришла к нему с разговором, который долго не могла начать. И ничего – нашли достойного мужчину, выдали замуж, а год назад султан взял на руки свою первую внучку.

Они сделали два больших круга до того, как Сабиха произнесла:

– Вы позволите, отец мой, сказать, что меня тревожит?

– Говори, красавица моя, кусочек луны.

– Отец мой, я понимаю, что это – какая-то политика! Я понимаю, что это всё не просто так и для всего есть основания! Но я не понимаю почему – и это жжёт мою душу огнём! Я не стала спрашивать, не стала спорить. Вы мой отец, и моя жизнь в ваших руках. Вы мой султан, и моё будущее – ваше и только ваше. Я до конца дней ваших, да продлит их и приумножит Аллах, буду верной подданной моего повелителя. Но чем больше я думаю об этом, тем больше не понимаю. И не из праздного любопытства пытаюсь понять! Я хочу быть полезной вам, мой повелитель. Но как я могу, если так много сокрыто от меня? Прошу вас, позвольте мне понять! Позвольте мне узнать!

Вахидеддин остановился, повернулся к дочери и, глядя в её большие карие глаза, тяжело вздохнул. Он даже примерно не мог предположить о чём она говорит. «Точно не о замужестве», – догадался он. Сабиха продолжала делиться своими сомнениями и тревогами, а он ждал, когда возникнет пауза, чтобы поинтересоваться, что же она имеет в виду.

– Я спрашивала у мамы – вдруг она, имея жизненный опыт намного больший, чем я, понимает, что к чему. Но нет, она тоже удивлена вашим распоряжением. Говорит, что это может быть временной мерой, предосторожностью какой-нибудь. Но какой? Какая опасность нам может быть....

– Дитя моё, – не выдержал и перебил Сабиху султан. – Лучик солнца мой, успокойся и скажи одним предложением – о чём ты и о ком?

Сабиха сжала руку отца в своих ладонях и, по-детски шмыгнув носом, проговорила:

– Я про ваш запрет на общение с Неджие.

Вахидеддин набрал полную грудь воздуха и, прикрыв глаза, медленно выдохнул. Он надеялся, что эта тема не будет поднята. Его жёны приняли запрет спокойно и безучастно. Старшая дочь, Улвие, даже обрадовалась, если судить по улыбке на её печальном лице, после того как услышала распоряжение, согласно которому им запрещено общаться с двоюродной сестрой. Разговоры с кем-то, кроме Сабихи и матери, для Улвие повинность. А возможность не общаться с одним членом их многочисленной династии воспринималась ею как награда. И только Сабиха, его неугомонная бабочка, не смогла остаться в стороне.

– Я предположила, что дело может быть не в самой Неджие, хотя с её отцом, вашим братом, у вас были сложные отношения. Может быть, дело в том, кто её муж?

Цепкий ум и интуицию в младшей дочери Вахидеддин ценил не меньше лёгкости характера. Вот и сейчас – просто и без лишних слов – она нашла истинную причину его запрета. Султан кивнул и, наклонившись, сорвал цветок.

– Но почему? Ещё десять лет назад вы восхищались им. Называли «надеждой Турции», «будущим нации». И именно вы помогли устроить его брак с Наджие! Я всегда думала, что если Аллах позволит вам стать падишахом, вы и Энвер-паша...

Приложив цветок к губам дочери, султан покачал головой, призывая не называть имён. Сабиха замолчала. На её лице так и читалось: она пытается понять, что всё это значит. Вахидеддин вложил ей в руку цветок и повёл дальше в сад. Вокруг никого не было. Никто не подглядывал. Никто не подслушивал. Но Энвер-паша на правах «зятя династии» последние четыре года жил во дворце. Доносчиком и шпионом мог быть кто угодно. Даже деревьям не следует доверять. Теперь Вахидеддин понимал недоверчивость и паранойю Абдул-Хамида, видевшего угрозу в каждом, кто приближался. Тот, кто на вершине, – уязвим. Брошенный камень может убить. Порыв ветра может уронить. Друзья могут предать. Кроме семьи не на кого положиться.

– Ты права – это всё политика. Очень сложно...

– Так объясните мне, отец!

– Он, и ещё один паша, и другие с ними, свергли твоего дядю Абдул-Хамида. Это было правильно. По их словам, в новой Турции, где народ принимает решения, где голос нации никто не пытается заглушить, все могут получить равные права и обязанности. Он и ещё один паша посещали христианские церкви, школы, больницы, кладбища. «Вражда закончена», – говорили они. «Мы все теперь братья и сестры», – убеждали они.

– Но ведь так и было, отец! Как можно забыть эти чудесные братания турок и армян на площадях?!

«Как можно забыть массовые убийства армян, где беспощадно вырезали тысячи ни в чем не повинных людей, организованные по приказу Энвера-паши и Талаата-паши?» – чуть не произнёс Вахидеддин. Но, уже открыв рот, сказал другое:

– Начало хорошим было. Правильным. А потом...

– Что было потом, отец?

Вахидеддин в очередной раз пожалел, что назвал дочь не Михримах. Султанши часто пытались вмешиваться в политику, влиять на решения отцов и братьев. Но лишь некоторые из них так искренне пытались разобраться в чем-то, чтобы использовать это потом не ради своей выгоды, а для других.

– В чём была причина революции, красавица моя?

– Люди хотели свободы, требовали вернуть конституцию, дать место демократии в управлении страной, – заученными фразами ответила Сабиха.

– Свобода, демократия, верно. А потом те же, кто хотели свободу – отняли её у других, лишив их возможности выбирать. Вот предпочли люди другую партию, оппозиционную, и чем же всё закончилось? Переворот, убийства и снова отобрали власть, только уже не спрашивая разрешения у народа. Триумвират пашей... Вся страна у них в руках, и никто ничего не может поделать. И словно мало этого было...

Султан прервался посреди предложения. Метрах в пяти от них шевельнулись ветви орешника. Во рту пересохло, сердце задрожало, словно пташка в ловушке. Сабиха ободряюще сжала его руку, посмотрела в глаза и быстро подбежала к орешнику.

– Ага! Попались! – звонко прокричал пятилетний мальчик, когда она раздвинула ветви. – Я за вами давно уже слежу, а вы даже и не заметили!

Он вылез из кустов, довольно хлопая в ладоши.

– Отец, вы ведь правда меня не заметили? Вы ведь не подыгрывали мне?

– Не заметили, лев мой, – на выдохе произнёс Вахидеддин, опускаясь на землю. Ноги дрожали и чудом удержали его до этой секунды. Сейчас он мог присесть на корточки, замаскировавшись под желание обнять единственного сына.

– Я буду разведчиком, – нараспев хвастливо проговорил мальчик, заглядывая из-за плеча султана на сестру.

– Будешь, будешь, шехзаде мой, – нежно заметил Вахидеддин.

– Что ты здесь делаешь, Эртугрул? Куда смотрят твои учителя? Почему позволяют тебе разгуливать в этот час?

Мальчик, проигнорировав слова сестры, спросил у отца:

– А ты был разведчиком на войне?

– Был, лев мой.

– Это сложно?

– Сложно.

– Очень?

Султан, не ответив, погладил мальчика по голове.

– Так, разведчик, иди на занятия! Необразованных в разведку не берут!

– Нет, неправда! Меня возьмут, я же шехзаде. Скажи ей, отец!

Вахидеддин встал на ноги, поправил пиджак, провёл рукой по усам и заговорил:

– Даже если ты шехзаде – не возьмут. Меня не хотели брать.

– Почему?

– Но ведь взяли же? – одновременно заговорили Сабиха и Эртугрул.

– Эх, дети мои, – вздохнув, произнёс султан.

Разве мог он сейчас им рассказать историю своей жизни как она есть? О том, как Вахидеддин потерял мать, будучи трех месяцев от роду, а через месяц и отца. О том, что перед смертью отец поручил заботу о младшем сыне одной из своих многочисленных жён. «Относись с должным уважением к брату, как к старшему», – до самой своей смерти повторяла женщина, несмотря на то, она родила на несколько недель раньше матери Вахидеддина. Сабиха и Эртугрул не должны знать о том, как он, будучи ребёнком, обнимал одеяльце точно так же, как его брат обнимал ту женщину. Как Вахидеддин плакал, вжимаясь в угол комнаты, когда она наказывала мальчика за то, что тот посмел взять игрушку брата. Как эта женщина отнимала у него сладости. «Они положены тем шехзаде, которых любят», – говорила она. Как не позволяла ему заниматься вместе с братьями. «Ты всё равно никогда не станешь султаном. Ты никем не станешь. Зачем тебе учиться?» – насмехалась над ним эта женщина. А он сбегал в город, находил медресе⁴ и притворялся новым учеником. Вместе с обычными детьми он изучал арабский язык, хадисы, калам, шариат и историю ислама. Когда Вахидеддин подросток – его не хотели принимать в военное училище. «Мы берём только самых лучших», – отвечали ему. А та женщина довольно улыбалась, узнавая про отказы. И не имело значения кто он: сын торговца или шехзаде. «Нам нужны сообразительные и образованные юноши», – говорили ему. И только Хумаюн, увидев Вахидеддина с книгой на арабском языке, дал ему шанс проявить себя. Притащил в самое лучшее военное училище и заставил принять вступительный экзамен. «Если вы откажетесь посмотреть, на что способен этот парень – я лично разнесу эту школу! Сожгу! Взорву! Камня на камне не оставлю!» – заявил этот вояка. Экзамен сдать ему позволили. «Не самые плохие результаты, шехзаде», – утешал его Хумаюн. А Вахидеддин размазывал кулаком соплю по щекам. Средние результаты! Его взяли лишь потому, что один из наставников учился вместе с Хумаюном. «Только ради брата своего беру вас, шехзаде. Но не покажете прогресса – выгоню. Тотчас же!» – пригрозили ему. А сколько Вахидеддину пришлось выслушать унижений и отказов, когда он собрался на войну? Детям лучше об этом не знать. Он предпочел бы быть жалким в глазах всего мира, но героем – в глазах своей семьи.

– Тогда были немного другие времена, – уклончиво ответил султан. – Сабиха права – иди на занятия, лев мой. А вечером я расскажу тебе интересный случай, который произошёл со мной на войне.

– Правда? Правда-правда? Правда?! Правда-а-а! – выкрикивая, убежал мальчик.

– Как вы себя чувствуете, отец?

Султан улыбнулся:

⁴ ***Медресе – это мусульманское религиозно-просветительское и учебное заведение второй ступени (после начальной). Выполняет функцию средней общеобразовательной школы.

– Я в порядке, мой кусочек луны, в порядке.

– Простите меня ради Аллаха, что подняла эту тему. Когда кусты зашуршали – я так перепугалась! Я чуть не подставила вас, отец. Моя неосторожность и несдержанность могли стоить вам жизни, всем нам. Мама говорит: я ещё не привыкла к тому, что я теперь – дочь султана, а не шехзаде.

– Всё в порядке. Но осторожность... Да, не забывай про осторожность. Именно из-за осторожности я и запретил это общение. И не переживай. Я тоже ещё не научился быть султаном. Давай учиться вместе, – шутливо подвёл итог Вахидеддин, притянув дочь к себе и осторожно поцеловав её в лоб. Если он и может положиться на кого-то без сомнений и оснований – это Сабиха, его решительная и умная дочь.

15 августа 1918 года, Константинополь, Османская империя, дворец Бейлербейи

Кто бы мог подумать, что решение многих проблем лежало на виду? Надо только взять и использовать подвернувшуюся возможность. Всё началось с вопроса Айше:

– Сколько ещё придётся ждать, пока мне принесут чай?

В Долмбахче, состоящем без малого из 285 комнат, проживало несколько семей династии. На кухне и в служебных помещениях следовали определённому порядку: в первую очередь обслуживать старших по возрасту и прямых членов династии. Айше, даже будучи женой правящего падишаха, не относилась ни к первым, ни ко вторым. Капризность поведения списывали на возраст – третьей жене Вахидеддина полных семнадцать лет. Оправдывать придирки и излишнюю требовательность незнанием правил и принятого распорядка – не имело смысла. Несмотря на то, что султан женился на ней через десять дней после церемонии Таклиди сейф, Айше несколько лет служила придворной дамой у Шадие, второй жены Вахидеддина. А до этого её с самого детства воспитывали при дворце, обучая всему, что может пригодиться в придворной жизни.

– А разве мы не должны переехать в Бейлербейи? Ведь семья султана на всё лето переезжает туда, – не сдаваясь, продолжила Айше. И даже удивилась, когда её затею не просто поддержали, но и одобрили.

Дворец Бейлербейи состоял из двадцати шести комнат. В него султан, по сложившейся традиции, переезжал вместе с семьёй и ограниченным количеством слуг и придворных. В Бейлербейи круглый год проживали люди, отвечающие за обслуживание дворца. Но, с тех пор как его построили по заказу Абдул-Азиза, Бейлербейи использовали исключительно как летнюю резиденцию султана, забывая о нём практически на год. Именно здесь Абдул-Азиз проводил время в узком кругу родных, создавая иллюзию обычной семьи. Что неудивительно: до прихода к власти Абдул-Хамида резиденцией падишаха был дворец Топканы. Круглый год султан, вместе с многочисленной династией, жил в огромном комплексе, состоящем из четырёх тысяч комнат и помещений. Все эти братья, сестры, дяди, тёти, многочисленные жёны всех шехзаде, племянники, племянницы, а также дальние и ближайшие родственники, о которых попросили позаботиться, жили одной большой семьёй. Именно в Топканы плелись интриги и создавались заговоры. Периодически некоторые семьи съезжали в другие дворцы, с разрешения или по приказу султана. Но всё равно Топканы укрывал под своей крышей слишком много людей. Они вмешивались в политику и пытались использовать государственные ресурсы в своих целях. Абдул-Хамид, будучи очень подозрительным и недоверчивым, изменил сложившиеся устои и определил официальной резиденцией султана дворец поменьше – Долмбахче. Сам же предпочитал дворец Ылдыз, где проживал в бытность свою шехзаде. Но традицию на лето переселяться в Бейлербейи сохранил.

Решение перебраться в летнюю резиденцию всего лишь на несколько недель вызвало разные эмоции. Кто-то считал это глупостью. «Переезды туда-обратно отнимут много времени

и сил. И ради чего? Есть ли вообще смысл?» – ворчливо подмечали. «Это прекрасная идея, повелитель! Вам нужно развеяться после всех тревог и волнений этого лета», – с фальшивым участием говорил триумвират пашей. Айше, как зачинщик этого переезда, была, несомненно, счастлива. «Наконец-то ко мне будут относиться должным образом, как к жене султана», – то и дело повторяла она, собирая вещи. Первая жена Вахидеддина, Эмине, радовалась не переезду, а возможности провести время с дочерьми и внучкой. С тех пор как Вахидеддин стал падишахом, появилось много людей, желающих пообщаться с жёнами и дочерьми нового правителя. Эмине старалась соответствовать новому статусу, но ей не хватало спокойных совместных посиделок, где только Улвие, Сабиха и маленькая внучка.

Вахидеддин же увидел отличную возможность: без страха перед шпионами и без лишних свидетелей начать предпринимать хоть какие-то действия. В Бейлербейи он взял только тех, кто был надёжен и безгранично верен ему и его семье. Таких было очень мало. Точнее – султан допускал мысль, что людей при дворе, занимающих его сторону, намного больше. Но он предпочитал не рисковать, доверившись тому, в ком не до конца уверен.

Сложности возникли со служанками жён и дочерей. Если бы он мог – ни одной бы не разрешил с ними переехать. Большинство из них были рядом с его семьёй на протяжении многих лет и заслужили доверие. Но султан считал, что женщин легко склонить на свою сторону, пообещав им золото, драгоценности или хорошее замужество. Он старался не обижать жён и каждой выделял достаточно средств на содержание слуг. Но никогда нельзя быть до конца уверенным в чем-то, если дело касается женщины, – считал Вахидеддин. Эмине и Шадие без каких-либо возражений, не проявив и капли недовольства, приняли его распоряжение взять только по одной личной служанке. Айше отказывалась подчиняться. «Я жена падишаха, а не какая-то там... женщина. У меня должно быть много служанок, много!» – кричала она до тех пор, пока Эмине, не сдержавшись, не отвесила ей пощёчину. Попросив султана оставить их наедине, первая и третья жена о чём-то долго разговаривали. И после этой беседы Айше, не скрывая обиды и возмущения, согласилась на двух личных служанок.

Заселившись в Бейлербейи, Вахидеддин первым делом вызвал к себе Хумаюна. Обсудить детали проделанной поездки, пока султан находился в Долмбахче, не представлялось возможным. Вахидеддин знал, что известие о его восхождении на престол передано армии и флоту. «Все молятся о здравии и долголетию вашем, повелитель мой», – только и мог сказать Хумаюн по приезду. Рядом находился Энвер-паша, ожидающий окончания необходимых формальностей. Получив карты и письма, переданные генералами для военного министра, Энвер-паша утратил интерес к Хумаюну. Но кабинет султана не покинул, оставшись как будто случайно. Словно он так увлекся, зачитавшись отчётами, что забыл, где находится. Но Вахидеддин понимал: за ним с Хумаюном наблюдают.

О прибытии главы корпуса «Победоносной армии Мухаммада» султану сообщили после того, как во дворце зажгли свечи. Столь поздний визит не удивил Вахидеддина. Темнота – лучшее покрывало, способное сохранить тайны и отвести подозрения. Повелев проводить гостя в кабинет, султан сначала обошёл дом, благословив на ночь жён, дочерей и сына. Эртугрул долгое время не хотел отпускать отца.

– Расскажи мне про султана Османа I, – упрасивал мальчик, вцепившись в руку Вахидеддина.

– Завтра, лев мой. Сегодня у меня есть срочные дела.

– Какие? А можно с тобой?

– Засыпай, благословенный мой, – прошептал султан, погладив сына по голове.

Жёны и дочери о чём-то весело переговаривались на женской половине. Раннее пожелание спокойного сна их не удивило – в последние дни султан часто запирался в кабинете, объясняя это тем, что работает.

– Не засиживайтесь допоздна, отец, – сказала Сабиха, целуя руку Вахидеддина.

– Вы же навестите меня сегодня ночью? – бесстыдно спросила Айше.

Её вопрос смутил каждого находящегося в комнате. Эмине и Шадие, занимающие более высокое положение в гареме и родившие султану детей, никогда не позволяли себе ничего подобного. Задавать такие вопросы в присутствии других людей являлось неприличным, когда они были женами шехзаде, а теперь, когда их муж стал падишахом – недопустимым. Улвие и Сабиха, будучи султаншами по крови, а не благодаря браку, с раннего детства усвоили: взаимоотношения мужа и жены должны оставаться тайной для всех остальных.

Вахидеддин предпочел сделать вид, что не услышал вопроса. До сего дня ему удавалось избегать конфликтов между жёнами, с которыми сталкивались все шехзаде и султаны. И он хотел, чтобы так продолжалось и дальше. Вахидеддин посмотрел в глаза сначала Эмине, затем Шадие. Каждый взгляд он сопровождал стеснительной улыбкой, извиняясь за поведение Айше. Он был доволен первыми жёнами и каждую любил по-своему. После заключения брака с Шадие семь лет назад и рождения ею через год Эртугрула, Вахидеддин не планировал брать ещё жён. Но становление падишахом изменило всё. Несмотря на то, что династия полна прекрасных, сильных и смелых шехзаде, способных стать в своё время отличными правителями, у Вахидеддина всего один сын. «Вы должны оставить после себя как можно больше шехзаде», – сказали ему. «Дети так часто умирают, не успев стать взрослыми», – заметили паши. «Империи нужны полководцы, нужны те, в ком бежит кровь Фатиха Завоевателя и Сулеймана Великолепного», – склонял его к очередному браку триумвират пашей. Пришлось подчиниться.

Когда Вахидеддин открыл дверь в кабинет, уже стемнело. В лёгком полумраке комнаты виднелось двое мужчин. Хумаюн сидел в кресле и, опершись головой о мягкую спинку, смотрел вверх. Большим пальцем руки он потирал шрам от сабли на левой руке. Второй мужчина стоял у окна, спиной к двери, и когда султан вошёл, обернулся. Аккуратные усы немного закручены вверх, брюки и пиджак идеально выглажены – отсутствие складок заметно с первого взгляда. Тёмно-карие глаза смотрели с усталостью. На вид ему лет тридцать, но султан знал, что реальный возраст незваного гостя на десять лет больше, чем может показаться на первый взгляд. Вахидеддин остановился в дверях и перевёл взгляд с мужчины у окна на Хумаюна. Глава корпуса «Победоносной армии Мухаммада» встал, чтобы поприветствовать падишаха.

– Живите веками со своим государством, повелитель.

Султан слегка наклонил голову, показывая, что рад видеть Хумаюна. Мужчина, стоявший у окна, молчал. Вахидеддин зашёл в кабинет, закрыл за собою дверь и приблизился к столу. Значительную часть столешницы занимали стопки книг, а в правом углу располагались письменные принадлежности. Султан начал перекладывать книги из одной стопки в другую, не всматриваясь в названия. Он планировал начать разговор сразу же с волнующей его темы, но незваный гость сбивал с толку. «Что он здесь делает? Почему Хумаюн привёл его вместе с собой? С чего начать разговор? Что спросить в первую очередь? Выгнать его? Или поприветствовать и обнять? Сделать выговор Хумаюну, что привёл его, не посчитав нужным уведомить меня заранее? Как поступить?» – тревожно размышлял Вахидеддин, продолжая перекладывать книги. Он надеялся, что кто-нибудь из гостей заговорит первым. Тогда он сможет определиться с тем, в какое русло пойдёт разговор. Но мужчина у окна так и продолжал хранить молчание. А Хумаюн задумчиво поглаживал бороду, рассматривая то султана, то своего спутника.

«Я же глава дома Османов! Я должен быть мудрым», – подумал Вахидеддин и переложив последнюю книгу из крайней стопки в соседнюю, посмотрел мужчине у окна прямо в глаза.

– К добру ли, Абдулкадир-эфенди? – обратился султан к мужчине.

– Как знать, дядя. Я рад видеть вас в полном здравии. Надеюсь, мои сестры, ваши дочери, тоже здороваются? Передавайте им мои пожелания благополучия и приглашение к нам в Кызылтопрак. Мы будем рады видеть их в любое время, когда они смогут посетить нас.

И в комнате снова наступила тишина. Даже разговоры домашних султана и голоса слуг не доносились до Вахидеддина и его гостей. Хумаюн продолжал всё так же задумчиво погла-

живать бороду, словно пытаясь распрямить слегка выющиеся волоски. Абдулкадир не двигался с места, надёжно заняв позицию у окна. Султан же обошёл стол и сел в кресло. Свечи в подсвечнике справа от Абдулкадира играли светом на лице второго сына Абдул-Хамида. Он не похож на отца: ни лицом, ни повадками, ни манерой разговаривать. Все, кто его хотя бы немного знали, могли с уверенностью сказать: Абдулкадир самый необычный шехзаде за всю историю дома Османов. Ещё бы – мало кто из принцев задумывался о том, чтобы войти в историю как сторонник свободы. Как великий реформатор – да. Как великий полководец – да. Но как первый социалист – нет. Ещё сам Абдул-Хамид заявлял, что Абдулкадир больше сын своей матери, чем его. Но при этом социалистически настроенного шехзаде ценили и уважали. Он приобрёл много сторонников среди народа, ведь Абдулкадир говорил о свободе, равенстве, взаимной заботе и помощи. Это подкупало и заставляло верить в лучшее, верить в идеальное общество.

Когда свечи догорели на треть, Хумаюн не выдержал и наконец-то заговорил:

– Вы молодые, у вас есть время на эти игры, а мне сейчас ближе лишний час сна, чем эта непонятная принципиальность.

– Простите, Хумаюн-паша, но никаких игр и принципиальности, – сказал Абдулкадир. – Я просто не вижу смысла в разговоре без Энвера-паши. Ведь он в любом случае будет уведомлён о затронутых темах. Честнее будет пригласить и его.

– На что вы намекаете, Абдулкадир хазрет лери? – со смехом спросил Хумаюн, тяжело поднимаясь с кресла. Старая травма ноги к ночи давала о себе знать и противно ныла. Он растёр участок чуть выше колена и поморщился.

– Какие намёки, Хумаюн-паша? Давно уже известно, что наш султан, Мехмед VI Вахидеддин поддерживает действия и начинания Энвера-паши. Посмотрите хотя бы сюда, – Абдулкадир указал рукой на стену, находящуюся за спиной до сего момента сидящего в кресле главы корпуса «Победоносной армии Мухаммада». Там висели вышитые на шёлке слова, заключённые в рамку.

«Деспотия исчезла, – гласили строки. – Мы все братья. В Турции больше нет болгар, греков, сербов, румын, мусульман, евреев. Мы все находимся под одним и тем же голубым небом и нас объединяет один флаг.» Эти слова принадлежали Энверу-паше и были произнесены во время свержения Абдул-Хамида. Вахидеддину настолько сильно понравилось заявление, прозвучавшее на площади в 1909 году, что он попросил свою жену, Эмине, сделать для него картину с этими словами. Сказанное тогда Энвером-пашой воплощало в себе то, к чему многие люди стремились годами – образ идеального общества.

– Очень странно слышать это от тебя, Абдулка...

– Вот как? – не дав договорить султану, перебил его шехзаде.

– Да, так! Не ты ли с тем же Энвером-пашой встречался на этих ваших подпольных собраниях, где вы строили планы по распространению свободы на территории Османской империи? Ты же не думаешь, что это тайна?

– Это происходило задолго до свержения моего отца! И это были безобидные встречи с рассуждениями о свободе слова и выбора. В отличие от вас, я во время свержения отца не высказывал своё одобрение совершаемых младотурками действий!

– Да неужели?! – воскликнул султан, резко встав из-за стола. Кресло скрипнуло и закачалось.

Хумаюн стоял посередине комнаты и, сложив руки на груди, наблюдал за конфликтом двух представителей самой могущественной династии в мире.

– А не ты ли во всеуслышание говорил, что есть только один путь стать свободным – нарушить порядок в государстве? И не нужно сейчас говорить, что ты имел в виду совершенно другое, – Вахидеддин поспешно поднял руку, останавливая попытку Абдулкадира перебить его. – Главное то, как твои слова толковались теми, кто их слышал. Одно дело внутри себя

одобрять чьи-то поступки, неосторожно озвучив это. И совершенно другое дело помогать этим людям деньгами. Разве ты не знаешь, что революционерами являются не только те, кто вышли, захватили, убили, свергли, но и те, кто спонсировал это?

Произнеся последние слова, Вахидеддин ужаснулся: неужели он сказал всё это вслух? Да ещё так прямолинейно? Что с ним произошло? Почему он позволил себе это? В голове возникали в качестве возможных ответов одна за другой мысли: он с тобой не поздоровался – не признаёт падишахом, не выразил почтение – а ты старший в династии, заподозрил в союзе с триумвиратом. Будь на его месте кто-то другой, не часть Османской династии – скорее всего, Вахидеддин молча бы снёс все оскорбления. Как всегда. Но это – Абдулкадир, сын брата, кровь от крови. «Как он мог так поступить?» – с тоской подумал Вахидеддин, опуская взгляд. И в этот момент султан услышал, как племянник тихо проговорил:

– Я уже поплатился за свои ошибки. И хочу исправить последствия моих действий, от которых страдает вся Турция.

– Многие обманулись, поддержав идеи и цели младотурков, – вмешался в разговор Хумаюн, подходя к столу. – По сути, младотурки победили Абдул-Хамида, да будет благословенно имя его, его же оружием.

– Что вы имеете в виду, Хумаюн-паша? – спросил Абдулкадир.

– Вашему отцу помогли взойти на трон только потому, что он обещал ввести конституцию. Тогда многие считали, что конституция в Турции – это путь к светскому обществу по образцу Европы. Возможность народа принимать участие в управлении страной была привлекательной всегда. Даже сейчас о ней грезят многие, ведь так?

– Сейчас народ больше мечтает прекратить бессмысленную войну, – заметил Вахидеддин.

– Османы, являющиеся солдатами, – воины пророка нашего Мухаммада, мир ему и милость Аллаха. Защищать исламский народ – наш долг, – возразил Абдулкадир.

– А разве в этой войне, что разрывает сейчас Европу, идёт речь о защите ислама? Я готов сам повести армию, если кто-то посмеет бросить вызов учению пророка и тем, кто ему следует!

– Султан, шехзаде, пожалуйста, прекратите споры. Мы так до утра не закончим. А я, с вашего позволения, хочу спать. Нам нужно найти какое-нибудь решение в сложившейся ситуации в стране. Давайте продолжим по делу.

Абдулкадир, вздохнув, кивнул, а Вахидеддин своё согласие со словами полководца выразил взмахом руки. Хумаюн продолжил:

– Итак, о чём я говорил? Младотурки, да. Точнее, Абдул-Хамид. Он пообещал конституцию Турции, стал падишахом, но всячески откладывал выполнение обещания. Это привело к волнениям, которые могли вылиться в очередное, уже третье, свержение за полгода. Тогда он ввел конституцию, публично принёс присягу на верность этой конституции. А когда волнения в стране и правительстве улеглись, начал тихую борьбу за власть абсолютного монарха. И отменил конституцию. Пришли младотурки, наобещали много, в том числе и то, что вышито здесь, – Хумаюн указал рукой на табличку. – Заставили султана вернуть конституцию, а потом, это вы и так прекрасно знаете, свергли Абдул-Хамида, в котором видели угрозу, посадив вместо него султана Мехмеда V Решада. А в итоге: отменили конституцию, захватили власть полностью в свои руки, разрушая попытки неугодных им не просто прийти к власти, а занять хоть какую-то государственную должность. А Энвер-паша! Он уволил сотни прекрасных генералов и офицеров, назначив на их места кого? Немцев и своих протеже! Прекрасных воинов – выбросил, как мусор! Тех, кто читает шахаду⁵чески откладывал выполнение обещания. Это

⁵ ***Шахада («свидетельство, речь исповедания веры») – один из пяти столпов ислама, важнейшее положение исламского вероучения. Это формула исповедания веры, которая звучит следующим образом: «Свидетельствую, что нет божества, кроме Бога, и Мухаммед – посланник Бога».

привело к волнениям, которые могли вылиться в очередное, уже третье, свержение за полгода. Тогда он ввел конституцию, публично принёс присягу на верность этой конституции. А когда волнения в стране и правительстве улеглись, начал тихую борьбу за власть абсолютного монарха. И отменил конституцию. Пришли младотурки, наобещали много, в том числе и то, что вышито здесь, – Хумаюн указал рукой на табличку. – Заставили султана вернуть конституцию, а потом, это вы и так прекрасно знаете, свергли Абдул-Хамида, в котором видели угрозу, посадив вместо него султана Мехмеда V Решада. А в итоге: отменили конституцию, захватили власть полностью в свои руки, разрушая попытки неугодных им не просто прийти к власти, а занять хоть какую-то государственную должность. А Энвер-паша! Он уволил сотни прекрасных генералов и офицеров, назначив на их места кого? Немцев и своих протеже! Прекрасных воинов – выбросил, как мусор! Тех, кто читает шахаду* перед каждым сражением, кто идёт в бой с такбиром на устах – заменил на немцев! Вот как турецкими солдатами может командовать немец? Как немец может вести их в битву с именем Аллаха на устах?

Голос Хумаюна задрожал. Вахидеддин мог поклясться, что видит слёзы в глазах у наставника. Старого вояку сильно задевали неразумные действия военного министра. Когда Энвер-пашу только назначили на этот пост, Хумаюн долго и много пил. «Как военным министром может быть человек, который не то что ни разу не добился серьёзных военных успехов, так он чаще всего проигрывал все сражения, в которых участвовал!» – ударяя кулаком по столу, кричал Хумаюн. «Да Энвер-паша просто бездарный полководец», – заявляли товарищи Хумаюна, прошедшие вместе с ним много славных битв. Вахидеддин опасался, что обильные алкогольные возлияния подорвут и без того уже слабое здоровье Хумаюна. Но старый вояка взял себя в руки и через две недели был уже на ногах в полной боевой готовности. Однако, с началом первой мировой войны Хумаюн снова вернулся к злоупотреблению алкоголем. «Самый высший военный пост в Турции – и кто? Этот Энвер, этот неумеха? То есть Решад, падишах наш, чисто номинально значится главнокомандующим, а вся армия, вся военная сила Турции – в руках этого, назначенного заместителем главнокомандующего. Да что же это происходит в стране? Как такое может быть?» – с трудом выговаривая слова, возмущался Хумаюн. Став султаном, Вахидеддин первым же делом назначил главой корпуса «победоносной армии Мухаммада» верного наставника. Но рана от оскорбления Хумаюна как человека, посвятившего всю свою жизнь военному делу, до сих пор кровоточила.

– Сомневаюсь, что люди поверят ещё раз в обещания о свободе, – задумчиво произнёс Абдулкадир. – Более того, при всем моём уважении к вам, дядя, вы с этим не справитесь.

Вахидеддину показалось, что Абдулкадир последней фразой отомстил ему за обвинение в финансировании младотурков. По крайней мере, султана это задело. Он и сам понимал, что недостаточно силён, недостаточно подготовлен к противостоянию с такой силой, как триумвират пашей. Каждый день султан пытался собраться и сделать что-нибудь полезное для страны, для турецкого народа, для династии, для самого себя, в конце концов. Ведь если будет страдать его народ и его родные – он не сможет спокойно отойти в вечность, когда придёт время.

– Но и оставить всё так, как есть сейчас, нельзя. Турция на краю пропасти, – возразил султан.

– Повелитель мой, разрешите сказать кое-что?

– Говори, Хумаюн-паша, говори.

– Я потому и обратился к Абдулкадиру хазрет лери. В вопросах создания государства, где все имеют равные права, он лучший советник.

– Хорошо, Хумаюн-паша. Я доверюсь тебе и твоему мнению в этом деле.

– А что ты скажешь насчёт твоей поездки? – нетерпеливо спросил султан

– Пока развозил весть о вашем восшествии на престол, я разговаривал с многими солдатами и офицерами. Искал, по вашему поручению, тех, кто может поддержать вас в борьбе

с этими подлыми захватчиками власти. Многие солдаты недовольны, как и я, действиями Энвера-паши. Он губит людей и страну своими распоряжениями.

– Значит, народ больше не в силах оставаться безучастным, – заметил султан

– А наши шехзаде, находящиеся сейчас на фронте, все, как один, на вашей стороне, повелитель мой, – продолжал рассказ Хумаюн. – И солдаты под их руководством тоже.

– Отец любил повторять, – вмешался в разговор Абдулкадир. – Должность шехзаде была важна для государства до этих дней, – говорил он. И после будет важна. Когда шехзаде понадобится – он проведёт тонкую политику, а когда понадобится – возьмётся за свой меч и возложит на себя тяжесть государства. И если у него хватит сил, также говорил отец, он не станет убирать меч в ножны. Либо поведёт за собой людей, либо станет падалью для ворон.

Вахидеддин, слушая Абдулкадира, в очередной раз с грустью подметил, что Абдул-Хамид делал всё, чтобы в случае становления падишахами, его сыновья были готовы ко всему, с чем могут столкнуться на этом посту. Его же не готовили. Его вообще не учитывали как полезного шехзаде. И поэтому он не так умен, смел и решителен, как Абдулкадир. «Насколько мой сын будет готов, если сложится так, что и на него будет надет меч Османа? Смогу ли я воспитать его готовым ко всему? Каким примером я ему буду?» – подумал Вахидеддин. Если он не может вытащить Османскую империю из той ситуации, в которой она сейчас, Эртугрул не сможет гордиться отцом. Не будет повода вспоминать в разговорах с кем-то сказанное Вахидеддином. Потому что к словам падишаха, не сумевшего защитить страну, никто не прислушивается. Никто не будет говорить: как же правильно он сказал. Никто не позавидует в душе: каким же хорошим человеком и отцом он был.

– У меня есть письма для вас от нескольких верных офицеров, в том числе, и от Мустафы Кемаля, – продолжил Хумаюн рассказывать итоги поездки. – Если вас интересует моё мнение – для начала нам нужно понять, как вывести страну из войны. Когда наша армия, наши солдаты и сторонники, вернутся обратно в Турцию и в Константинополь, вырвать страну из когтей триумvirата будет не так сложно.

– Хорошо, Хумаюн-паша. Это добрый совет. Я думаю, так и следует поступить. Я напишу ответные письма, найди надёжного человека, который отвезет их. Если не найдёшь – сам поезжай, но, чтобы наши противники не узнали о содержании писем.

Хумаюн почтительно поклонился и проговорил:

– Как прикажете, повелитель мой.

– Абдулкадир, – обратился Вахидеддин к племяннику.

– Я поищу надёжных людей, которые помогут нам, когда придёт время, в столице, – подходя к столу сказал шехзаде.

– Так ты готов помочь уже сейчас? Я предположил, что Хумаюн привлёк тебя, потому что только ты можешь помочь создать правильную структуру свободного государства. Такого, о каком мы все мечтали, но которого нас годами лишали обманом.

– Если будешь бежать от государства, когда оно нуждается в тебе, то не найдёшь государство рядом, когда будешь нуждаться в нем, – с грустной улыбкой ответил Абдулкадир.

– Эти слова тоже принадлежат моему брату?

– Нет, эти слова любила повторять моя мать.

– Мудрая была женщина. Как жаль, что Аллах призвал её.

Впервые за сорок лет жизни Абдулкадира Вахидеддин испытал к нему искреннюю нежность и тепло. Не потому, что шехзаде собирался поддержать султана в предстоящем противостоянии с могучим триумvirатом пашей. Бидар-кадын умерла в январе этого года, а через месяц, в феврале, в вечность отошёл Абдул-Хамид. Точно так же, как и в случае с Вахидеддином, Абдулкадир потерял родителей с разницей в один месяц. И пусть шехзаде уже достаточно взрослый, пусть у него были сложные отношения с отцом, сиротство невыносимо в любом возрасте. На войне Вахидеддин видел много сирот. Кто-то становился сиротами прямо у него

на глазах и по его вине. Эта та сторона войны, которую он ненавидел больше всего. Каждый раз, видя в глазах человека боль от потери родителей, он снова становился тем мальчиком, который обнимает одеяло вместо мамы, который в каждом мужчине ищет отеческую поддержку. И эта боль объединяла Вахидеддина со множеством сирот на земле.

Султан отвёл взгляд и, взяв из рук Хумаюна письма, стал их изучать.

– Мы можем идти, повелитель?

Вахидеддин провёл рукой по лицу, пытаясь стереть ощущение усталости. До этого вечера были лишь мечты и планы, а сейчас начинается тихая борьба. Выживут ли они после неё? Получится ли у них? Султан посмотрел на своих союзников – не такими они ему представлялись, не такими виделись во снах. Их должно быть больше. Они должны быть влиятельнее. Но скольких он не видит? Сколько верных сторонников сейчас сидят по домам? Сколько ждёт его писем на фронте? Вахидеддин выпрямился и ответил:

– Пусть Аллах будет доволен вами двоими!

31 октября 1918 года, Константинополь, Османская империя, дворец
Долмбахче

Первые заметные изменения произошли в середине октября. Триумвират пашей распустил политическую партию, к которой они принадлежали почти двадцать лет и с которой пришли к власти. Они создали другую партию. Назвали символично – «Возрождение». Для проницательных людей данные действия означали публичное признание неправоты. Для Вахидеддина же это знак: они на правильном пути.

Два с половиной месяца велась активная переписка. Накануне вечером пришло долгожданное послание от Мустафы Кемаля. Его шпионы достали информацию, способную в течение следующих двух месяцев вывести Османскую империю из войны с минимальными потерями. «Да, придётся отказаться от части территорий, но в сложившейся ситуации это незначительные потери по сравнению с тем, чего мы можем лишиться», – писал Мустафа.

Вахидеддин завтракал вместе с Эмине и Сабихой. После того знаменательного вечера в Бейлербейи он старался быть хорошим отцом не только для Эртугрула, но и для дочерей. И, как хороший отец, он должен устроить брак младшей дочери, – решил Вахидеддин после того, как курьер с письмом для Мустафы Кемаля покинул столицу.

– Господин мой, в этом вопросе не следует торопиться, – возразила Эмине. – Наша Сабиха более привлекательная партия, чем была когда-то Улвие. Улвие мы отдали, как дочь шехзаде, а Сабиха – дочь падишаха.

– Вы словно собираетесь меня выгоднее продать, султанша, – рассмеялась Сабиха.

– А мне не нравится мысль о выгоде от брака нашей дочери. От себя могу сказать, что был счастлив только в браках, заключённых по большой любви.

– Да, и ваш брак с мамой – из таких. Об этом весь дворец знает. История великой любви! Как я хочу так же! Чтобы меня добивались! Чтобы не отступали, не смотря на отказы! Чтобы видели только меня рядом с собой до конца дней, – мечтательно проговорила Сабиха, улыбаясь матери.

Султанша хотела что-то сказать ей в ответ, но в этот момент в комнату вбежал придворник Али. Молодой человек неуклюже развернулся возле стола, сбив вазу. Осколки разлетелись по полу.

– К счастью, повелитель! Это к счастью!

– Уф, терпения мне! Божье ты наказание! – воскликнула Эмине, взмахнув руками.

– Новость! Новость хорошая, султанша! Война закончилась!

Султан резко встал, сделал несколько шагов в сторону Али и чуть было не упал, поскользнувшись на осколках.

– Осторожнее, отец, – попросила Сабиха и приказала служанкам срочно убрать разбитую вазу.

– Рассказывай, – потребовал Вахидеддин у Али.

– Повелитель! Говорят, что подписали перемирие! Вчера подписали, повелитель!

– Кто говорит?

– Все говорят! Сегодня с раннего утра в столице шум стоит. Народ счастлив, повелитель.

– Это поистине прекрасная новость, господин мой. Может, попросить раздать немного золота из вашей личной казны нуждающимся? – предложила Эмине, подходя к мужу.

– Хвала Аллаху! Конечно же, пусть раздадут! И халву попроси раздать! И сладости! И прикажи подготовить всё для поездки – я хочу вознести молитву благодарности Аллаху в мечети.

Дворец погрузился в весёлые разговоры, громкий смех и празднование. Тем же занимался и весь Константинополь. Люди радовались концу войны, готовились к возвращению родных с фронта. Вахидеддин с удовольствием наблюдал за происходящим и впервые за три месяца чувствовал себя счастливым и спокойным. Это продолжалось ровно три дня – до тех пор, пока ему не принесли перемирие на ратификацию*⁶.

04 ноября 1918 года, Константинополь, Османская империя

Ночью произошло то, чего добивался султан в течение последних месяцев. Триумвират пашей, вместе со своими верными сторонниками, покинул страну. Они бежали под покровом ночи, столкнув перед этим Османскую империю в пропасть. В столицу доставили условия перемирия. По распоряжению триумвирата пашей их зачитывали на площадях. Улыбки на лицах людей сменялись гримасами боли и огорчения. Разве это конец войны, когда над городами их родины будет развеяться чужой флаг? Разве можно соглашаться с тем, что некогда великую страну собираются поделить между собой государства-победители? «Мы строили железные дороги своими силами. Мы создавали корабли, не жалея себя, а теперь должны добровольно отдать их кому-то?!» – кричали люди. «Как это – позволить распоряжаться им во всех морских портах?» – со слезами на глазах произносили старики. «Они забирают наши земли, а вы говорите, что мы должны и души им отдать!» – возмутился народ, услышав, что турецких военнопленных, по условиям этого перемирия, не освободят. «Африка – под оккупацией, Индия – под оккупацией, Кавказ и Балканы под оккупацией. Все мусульманские страны под оккупацией! Была единственная надежда на нас, на турков, что мы защитим Ислам», – бормотали люди.

Город заполнился волнением, скорбью и призывами не сдаваться. «Что будет дальше?» – то и дело задавали вопросы Вахидеддину и члены династии, и придворные. А он, как и перед церемонией Таклиди сейф, находился в растерянности и неопределённости. От него ждали чудесного избавления, волевого решения или же просто правильной политической стратегии.

«Абдул-Хамид бы...», – услышал султан от слуг, разговаривающих между собой. Ему бы спросить: что сделал бы, по вашему мнению, мой брат? Но не стал. И не потому, что султан, спрашивающий совета у слуг – это жалко и недостойно падишаха. Однажды он уже решил, что не будет таким же жестоким, как Абдул-Хамид. Но, с другой стороны, он также решил не быть таким слабодушным, как другой его брат – Решад.

– Что мне делать, Хумаюн-паша? – спросил Вахидеддин после новости о бегстве триумвирата.

– Данные, которые раздобыл Кемаль-паша в ходе разведывательных операций, к сожалению, в нынешней ситуации бесполезны.

– Если я ратифицирую данное перемирие – это может стать концом всему.

⁶ *** Ратификация – утверждение международного договора высшим органом государственной власти, в результате чего он приобретает обязательную для этого государства силу.

– Благодаря тому, что триумвират позорно покинул страну, мы легко можем отменить перемирие, заключённое ими как представителями султанского правительства, – заметил Хумаюн.

– Но это значит продолжение войны. Мы же решили, что в первую очередь важно вывести Турцию из этой войны!

– С минимальными потерями, повелитель. А то, что мы имеем сейчас, – это не выход из войны, это Османская империя, преподнесённая в дар европейским державам, – Хумаюн положил руку на эфес сабли, словно заметил приближающуюся угрозу.

– Ты видел, как радовались люди прекращению войны? Они устали, измучены, подавлены. Им необходим перерыв в бесконечных сражениях, из которых не выпутывается наша родина. Османская империя всегда воевала, но последние сто лет мы то и дело проигрываем. Терпим жесточайшие потери. Люди просто уже не выдерживают. Разве те, кого я призван защищать, не важнее всего?

– Если нашу землю оккупируют, что будет тогда, повелитель? Азан*⁷ не будет звучать в мечетях, флаг со священной луной не будет развеиваться в небе. А самое страшное – родины нашей не останется. Родины, за которую пролито столько крови. Родины, на которой рождались наши солдаты, согласные умирать за неё по вашему распоряжению, повелитель. Османская империя, ставшая целью покушения, – вот причина, ради которой все мы готовы к войне под флагом нашего халифата.

– Видя бесконечные войны с самого детства, я всегда думал, что, если бы это зависело от меня – ни одну бы не начинал. А сейчас ты говоришь, что я должен сам отдать приказ на продолжение военных действий несмотря ни на что? Я так не смогу! – голос Вахидеддина сорвался, отказываясь произносить слова.

– Я просто помню Плевну. И вас, повелитель, помню. А вы?

Пронзительный взгляд голубых глаз под серовато-белыми бровями, лёгкий укор в словах. Помнит ли он?! Вахидеддину в те дни уже исполнилось семнадцать лет. И для него это была первая война, увиденная своими глазами. Без прикрас. Без преданий и легенд, призванных вдохновлять. Без фальши и обмана. И он испытывал парализующий страх и ужас. Хумаюну в те дни было уже за тридцать. Бравый солдат, чувствующий себя живым только во время боя, он поддерживал юного шехзаде с поистине отеческой заботой. Турецкие войска, что было сил, отбивались в захваченной Плевне. Но Осман-паша, получивший звание Гази – «непобедимый», отдал приказ: удерживать войска противников у города как можно дольше, сделав себя приманкой. Русские войска, безуспешно пытающиеся пробиться в город, не проходили дальше, давая возможность туркам набраться сил и подготовиться к другим сражениям. «Что значит проиграть битву, если мы выиграем войну?» – говорили тогда солдаты в Плевне. А Вахидеддин предлагал другой вариант. «Надо прорываться прямо сейчас! Пятьдесят тысяч против 122 тысяч – это безумие. Но лучше пятьдесят тысяч станут шахидами*⁸, чем умрут в блокаде и плену», – снова и снова доказывал он. «Да что ты понимаешь в стратегии?» – смеялись над ним. «Не ваше это дело, шехзаде, думать о сражении. Пойдите лучше, отдохните», – отмахивались от него. Когда предложение Вахидеддина услышал Осман-паша, он серьёзно заметил: «Если станешь султаном – не забудь эту решимость. Она лучшее, что есть в тебе». Но приказ не отменил. Турецкие солдаты недолго продержались в блокаде. Истощённые голодом и болезнями, почти все они были взяты в плен. А война проиграна.

«Не забудь эту решимость», – сказал султану когда-то великий полководец. Сорок лет прошло – конечно, забыл. Но, видимо, пришло время вспомнить.

– Что ж, война – так война, – проговорил Вахидеддин, скорбно сжав губы.

⁷ *** Азан – призыв к всеобщей молитве мусульман (желательно, совместной).

⁸ *** Шахид – Употребляется в смысле «мученик за веру».

07 ноября 1918 года, Константинополь, Османская империя, дворец Бейлербейи

Совет не торопиться с официальным отказом признать подписанное триумвиратом перемирие дал Абдулкадир. «После полученного приказа о демобилизации армии от Энвера-паши многие наши солдаты сдали оружие. Если наши противники узнают о том, что мы не признаём завершение войны на тех условиях, что есть в этом перемирии – живыми наши солдаты не доберутся», – заметил шехзаде. Послы стран Антанты настаивали на скорейшей ратификации. Вахидеддин объяснял свою медлительность отсутствием сформированного правительства. «Как вы знаете, люди, руководившие страной на протяжении последних лет, сбежали, не оставив после себя замену. Нам нужно провести выборы, и уже тогда...» – заискивающе говорил султан послам. А сам несколько раз на дню интересовался, как проходит возвращение солдат с фронта.

И через неделю после подписания триумвиратом перемирия вернулся Мустафа Кемаль. Не откладывая на завтра долгожданную встречу лицом к лицу, султан созвал тайный совет во дворце Бейлербейи. «Я хочу подготовить ряд документов, а в Бейлербейи так спокойно в это время года. Никто и ничто не будет мне мешать», – объяснил он свой внезапный отъезд.

В рабочем кабинете дворца Бейлербейи султана уже ожидал Абдулкадир. Сын Абдул-Хамида держал в руках снятую со стены картину со словами Энвер-паши. Увидев это, Хумаюн, вошедший в кабинет после султана, усмехнувшись, сказал:

– Давно уже следовало снять это. Простите, повелитель мой, при всём моём почтении к вам... Её лучше убрать. А ещё лучше – уничтожить.

– Если вы того желаете, – пожав плечами, пробормотал Вахидеддин, садясь в кресло.

Абдулкадир между тем уже вытащил из-под стекла шёлк и приблизив к своему красивому лицу, внимательно всмотрелся в стежки.

– Какая тонкая работа, – подметил он. – Здоровья тем рукам, что её сделали.

Когда приехал Мустафа Кемаль, Абдулкадир уже успел и разрезать на тонкие полосы полотно, и сжечь. Генерал-лейтенант решительно зашёл в кабинет, почтительно приветствовал султана и представил мужчину, сопровождающего его:

– Это Исмет-бей. Мы с ним давно знакомы. Он командовал третьим корпусом в седьмой армии, вверенной мне с прошлого года.

Вахидеддин никогда не слышал произнесённое имя. Да и лицо этого человека не было знакомым. Однако пронизательный взгляд заставлял чувствовать себя неуютно.

– Я могу ошибаться, но вроде бы вы принимали участие в свержении моего отца, – подозрительно сказал Абдулкадир, рассматривая Исмета.

Тот кивнул и перевёл взгляд на Мустафу Кемаль, словно ища поддержки.

– Это дело прошлое, шехзаде. Я могу поручиться за Исмет-бея – он верен Турции и не рисковал жизнью ради нашей родины, – проговорил Мустафа Кемаль, наклонив голову.

– А за вас кто поручится, Кемаль-паша? – настороженно спросил Абдулкадир.

– Шехзаде, сейчас не время для поиска врагов. Тем более, что их у нас и так предостаточно. Мы все, кто находится в этой комнате, желаем благополучия нашей стране. И об этом надо помнить в первую очередь. Во вторую – о том, что нашу родину собираются поделить, как трофеев. И только это важно сейчас! Так что давайте забудем прошлое. Забудем о подозрении. Забудем о недоверии и сосредоточимся на спасении Турции, – обратился к присутствующим Хумаюн. – Кемаль-паша, вы только что вернулись с фронта. Как обстоят дела?

Мустафа Кемаль растерянно посмотрел на седобородого полководца и перевёл взгляд на Вахидеддина. Волна признательности захлестнула султана. Сам он не требовал, чтобы в отношении него соблюдали нужный протокол поведения. Он был уверен, что не заслуживает того, что предписано для падишаха. Годы унижений давали о себе знать. А Мустафа Кемаль

продемонстрировал, что несмотря на уважение к возрасту и опыту Хумаюна, если в комнате находится султан – то отчитываться надлежит именно перед султаном. Впервые, с тех пор как Вахидеддин стал правителем Османской империи, кто-то проявил к нему такое искреннее уважение. Без издёвки. Без насмешки. Без фальши и лести.

– Докладывай, паша, – попросил Вахидеддин, помогая Мустафе Кемалю выйти из неловкого положения.

– Когда нам объявили о перемирии – мы не знали о провальности условий этого проклятого договора. Мы думали, что всё, конец войне. Приказ Энвера-паши о сдаче оружия ближайшим отрядам солдат-противников настиг нас, когда мы были на границе. Я знаю, что многие сдали, но мы решили поступить иначе и раздали всё наше оружие и боеприпасы местным жителям. Попросили спрятать. Кто знает, когда оно может им пригодиться. И когда мы встретились с солдатами-противниками – у нас не было оружия. Мы им сказали, что уже сдали оружие и боеприпасы. Но некоторые отказались сдавать оружие и прекращать военные действия. В частности, шехзаде Фуад до сих пор продолжает оказывать сопротивление в Ливии.

– Ах, лев мой! Лев! – воскликнул султан, взмахнув руками.

Абдулкадир широко улыбнулся, услышав об очередной храбрости внука султана Мурада V. «Этот парень никогда не перестанет удивлять и восхищать!» – подумал Вахидеддин о Фуаде.

– Еще многие не возвратились и находятся в пути. Но также значительная часть наших солдат сейчас в плену, – продолжал докладывать Мустафа Кемаль. – Если бы подлые предатели не поспешили выполнить это позорное условие перемирия и не выпустили бы военнопленных, содержащихся у нас – мы могли бы поторговаться. А сейчас у нас ничего нет.

– Значит, в первую очередь, нам нужно бросить все усилия на решение именно этой проблемы. Освобождение наших солдат, на данный момент, одно из самых важных, – сделал вывод султан.

– Если позволите, – тихо заговорил Исмет.

Вахидеддин ждал, когда же этот мужчина с лицом, как у хорька, заговорит. Когда пауза затянулась, султан понял, что все ждут его реакции.

– Говори, Исмет-бей, говори, – разрешил Вахидеддин, смутившись.

– Открытым нападением на места, где содержатся наши солдаты, мы можем ничего не добиться. Самое лучшее – устроить диверсию. Я слышал, что вы до сих пор официально не сообщили об отказе принимать это перемирие. Пока наши противники думают, что всё закончено, мы можем провести ряд операций и освободить пленных.

Предложение Исмета встретили с одобрением. Было также решено, что как только пленные окажутся на свободе, турецкие солдаты снова возьмутся за оружие, если Антанта будет настаивать именно на этих условиях перемирия, что есть на данный момент. «Мы можем потерять многое, но отказываемся терять родину и честь», – подвёл итог Мустафа Кемаль, когда тайный совет расходился, воодушевлённый и решительно настроенный.

09 ноября 1918 года, Константинополь, Османская империя

«Не забудь эту решимость», – звучало в голове. Не забудь. «А что, если я не знаю, как правильно употреблять решимость? А что, если решимость – это безумие, это путь в пропасть? Может быть, чрезмерная осторожность – это обычный инстинкт самовыживания? Может быть, я только так и смогу сохранить жизни? А что, если эта решимость – не от меня? Что, если мне её навязали и это не истинно мой путь?» – размышлял Вахидеддин в течение двух последующих дней. Мустафа Кемаль с Исметом выехали навстречу солдатам. «Лучше будет встретить их на границе, чем собирать потом по всей Османской империи», – заметил Мустафа Кемаль. Хумаюн отправился в сторону Эль-Кута. «Бедуины занимаются торговлей и перевозкой товаров. Круг их знакомств обширен. Информация – вот самый важный ресурс, повелитель. Я пообщаюсь с ними, найду то, что нам пригодится», – сказал полководец, оставляя Вахидед-

дина. Султан с грустью проводил союзников, чувствуя, что ему ничего не остаётся – только ждать.

Ожидание тянулось медленно, с каждой минутой взращивая сомнения в сердце Вахидеддина. Ещё вчера он был уверен и непоколебим. Ещё вчера продолжение войны казалось самым верным решением. Проезжая в пятничной процессии через город и приветствуя жителей столицы, султан видел подавленность. Султан видел уныние и печаль. Окончание войны не радовало народ, но, может быть, дело в том, что люди измучены и устали? Устали хоронить родных и друзей. Устали работать не ради себя и своих близких, а на обеспечение военного снаряжения и флота. Разве не должны они, успокоившись от волнений первых дней после известия о перемирии, испытывать радость? Разве не должны они нетерпеливо ожидать солдат, избежавших смерти и плена? Почему же султан не видит благодарности на лицах своих подданных?

Последние девять лет велось много сражений. Иногда Турция находилась в двух войнах одновременно. Поражения отрезали важные территории от некогда великой империи. То, что присоединяли отцы и деды – теряли сыновья и внуки. Мудросское перемирие фактически означало распад Османской империи. Разве можно спокойно принять это? Разве можно смириться и быть благодарным, когда ставят на колени и приказывают забыть гордость и честь? А что самое худшее – отнимают право верить и совершать молитвы как предписано. «В руке – ружьё, в сердце – вера», – гласит присяга, приносимая солдатами. «Командиры и офицеры – наши отцы. Наши законы – порядок и уважение», – произносят они. «Моя религия – родина», – хором скандируют солдаты, прижимая руку, сжатую в кулак, к сердцу.

Вахидеддин чувствовал, как его сердце разрывается между долгом и состраданием. Он молился в мечети, просил укрепить его мысли на верном пути. Султан просил Аллаха даровать смелость и непоколебимость. Решительность – это хорошо, но сама по себе она не способна привести к благоприятному исходу. И уже в конце молитвы пришла мысль: «В одиночку невозможно изменить что-либо. И это самое прекрасное, что есть на свете – понимать, что ты не один». Вахидеддин улыбнулся – это и есть почти самое важное понимание в жизни человека.

Когда султан приближался ко дворцу Долмбахче, навстречу выбежала Шадие и, повозившись с замком, открыла ворота. Вахидеддин пытался предположить, чем же вызвана такая нетерпеливость. Порывистость и необдуманность, влекущая за собой осуждение двора, свойственна Айше, что оправдывали молодостью третьей жены. Шадие исполнилось тридцать пять лет, и она отличалась сдержанным нравом. Как и многие женщины, поздно вышедшие замуж, вторая жена Вахидеддина была безмерно благодарна, что выбрали именно её. И старалась соответствовать положению, занимаясь рукоделием и благотворительностью. Никто не мог упрекнуть её в чем-либо. Родив единственного сына Вахидеддину, она не требовала особого отношения к себе, не унижала других, надмеваясь и насмехаясь. Напротив – Шадие была почтительна даже с Айше, что не всегда удавалось и Эмине. Поэтому Вахидеддин удивился не свойственному для султанши поведению.

– Что случилось, душа моя? – спросил султан, спустившись с повозки.

Шадие крепко схватила его за руку, и Вахидеддин почувствовал, что жену трясёт. В её глазах блеснули слёзы. Покусывая губы, Шадие прошептала:

– Его нет. Его нигде нет.

Сердце замерло, пропустив удар. Дышать стало тяжело. Легкие словно сжало тисками. В глубине сознания пробивалась догадка, но Вахидеддин всячески пытался не дать ей прозвучать даже в мыслях. Он зажмурился, надеясь, что все это – ему снится. Что всё это – какая-то галлюцинация. Он болен. Он умирает. Прямо сейчас он находится при смерти, и всё это – какое-то жуткое видение. Это не может быть правдой. «О, Аллах, милостивый и милосердный», – только и смог подумать султан.

– Всё обыскали. Нет, нигде нет, – шептала Шадие, всхлипывая.

Вахидеддин приобнял жену, пряча слёзы у неё в волосах. Стыдно плакать перед женой. Но ещё более стыдно плакать перед слугами. И пусть слуги видели многое, происходящее во дворце. Их трудно удивить или смутить. Но это были те самые слёзы, что проливаются только в тайной комнате перед Создателем. Интимные. Личные. Ни для кого.

Через несколько минут, когда Шадие немного успокоилась, а предательские слёзы высохли, избавив от необходимости их прятать, султан с женой зашли внутрь. Слуги, бегая в суматохе, докладывали, что шехзаде Эртугрул, скорее всего, просто спрятался. Играет. «Его найдут, обязательно найдут», – успокаивали султана и Шадие. Но что-то в их голосах убеждало Вахидеддина – они сами не верят в то, о чём заявляют с показной уверенностью.

Что делают в таких случаях? Ищут виноватых? Кто не досмотрел? Ругают? Пытают? Казнят демонстративно, чтобы все видели? Абдул-Хамид, несомненно, знал бы, что делать. И был бы прав – самое дорогое не уберегли! Не досмотрели! Вахидеддин пытался успокоиться и обдумать всё спокойно. Получалось плохо. Его единственный сын! Его львёночек! Частичка души отца своего! Где он? Что с ним? А вдруг он сейчас где-то ранен? Дети, они же такие, заигрался и упал. Его сыну плохо, а он не может прийти на помощь и утешить! А может быть, Эртугрул оказался каким-нибудь образом за пределами дворца? Вахидеддин сам часто сбегал в город, чтобы учиться в медресе вместе с городскими детьми. Но он был постарше Эртугрула, и время тогда было другое. Сейчас в городе опасно. Люди взбудоражены и могут быть агрессивными по отношению к сыну падишаха. Он мог заблудиться, испугаться и плакать сейчас, не понимая, где он и что происходит.

Султан сидел в кабинете, обхватив голову руками. Шадие увели на женскую половину, напоили успокаивающими травами. А он не хотел видеть кого бы то ни было. Даже Сабиху. Младшая дочь пыталась поговорить с отцом, поддержать и ободрить, но от этого Вахидеддин чувствовал себя более жалким и несчастным. Лишь оставшись совершенно один, он подумал о найме детектива. Есть же специалисты, занимающиеся розыском людей. Они умеют допрашивать и собирать информацию. Всё так просто! Позвать такого человека – пусть найдёт шехзаде! И в следующую же секунду в голову ему пришла мысль: «Если привлечь детектива, то дело вскроется, и доверие к династии упадёт. Люди будут говорить, что если они себя не смогли защитить, то что уж говорить о стране и народе». Люди поддерживали династию по той простой причине, что династия приносила расплату и наказание всем тем, кто угрожал нации, кто обижал народ. Он принял на себя ответственность за династию и не может теперь подвести их, продемонстрировав свою несостоятельность как глава семьи. Он встал во главе этого народа и не может разочаровать их, как это делал его слабовольный брат Решад в течение многих лет. Он стал халифом и, как духовный лидер, не может личные интересы ставить выше интересов всего исламского мира.

Сердце охватил пожар. Неужели он должен и здесь сидеть в бездействии и ждать, что всё устроится без его вмешательства? Как он может бороться за империю и независимость, если не способен найти в себе сил и храбрости бороться за сына? Чувства раскалились до предела. Сердце сжалось так, словно обняло иглы внутри. Больно. Тяжело дышать. «О, Аллах, помоги, не оставь моего сына», – прошептал султан.

В дверь постучали. Вахидеддин поднял голову в надежде.

– К вам пришёл британский посол, повелитель.

– Не хочу никого видеть! Пусть уходит! – прокричал султан, закашлявшись.

– Это важно, повелитель. Он говорит, что это очень важно.

– Что сейчас может быть важнее моего сына? – с горечью прошептал Вахидеддин, облизывая пересохшие губы.

«Но я всё равно ничего поделывать не могу. Вдруг это поможет моей бедной стране», – подумал султан.

– Пускай, – прокричал Вахидеддин, поправляя одежду и надевая феску.

В комнату вошёл высокий мужчина в военной форме. «Генерал», – определил султан по знакам отличия. Мужчина выглядел ровесником султана. Рядом с ним, почтительно кланясь и приветствуя Вахидеддина по всем правилам, семенил переводчик.

– Это Джордж Милн, – представил он генерала. – Ему поручено возглавлять высадку британских войск, которые уже в пути.

– Он говорит, что пока вы не ратифицируете перемирие, они не смогут высадиться.

– Им нет нужды дожидаться, когда будет сформировано правительство, ведь оно, в любом случае, не нужно.

– После составления мирного договора будут назначено своё правительство для каждого региона, в зависимости от того, кому отойдут территории.

Генерал говорил, переводчик объяснял сказанное им, а султан чувствовал, как падает в бездну. И у неё нет дна. И ветер в этой бездне не свистит, а разрезает кожу, впиваясь до костей.

Когда генерал замолчал, рассматривая султана, Вахидеддин вдруг понял, что готов вцепиться в горло этому человеку зубами и разорвать артерию. Чтобы тот умирал, истекая кровью прямо на руках у султана. Что говорит этот человек? Как он смеет произносить такое вслух, да ещё в присутствии потомка Османа?

– Какая наглость, – прошептал Вахидеддин. – Не переводи! – остановил переводчика.

Милн непонимающе посмотрел на своего спутника, а затем, широко улыбнувшись, затараторил что-то на английском.

– У него есть для вас подарок, повелитель. Он говорит, что является заядлым охотником. Сидеть в засаде, наблюдать за добычей, изучать её повадки, понимать ход её мыслей, понимать, что ей дорого – всё это доставляет ему удовольствие. И он по-настоящему хорош в этом. Он говорит, что сегодня ему попался прекрасный экземпляр. И он не знает, что с ним делать. Либо запереть в клетке и привезти домой на потеху своей семье. Или убить, как и полагается поступать с такими зверями. Но если вы согласитесь ратифицировать перемирие, он с радостью подарит его вам.

Султан встал, напрягся и приготовился к броску. Это уже слишком! Но генерал, опустив руку в карман брюк, достал медальон, увидев который, султан рухнул обратно в кресло. Отделанный изумрудами круг с тонким серебряным полумесяцем по середине. Перепутать и обознаться невозможно – именно этот медальон носил, не снимая, Эртугрул с тех пор, как ему исполнилось полтора года.

– Документ составлен и находится у меня с собой. Подпишите. Прикажите объявить всем. И уже через час пойманный мною зверёныш будет у вас. Вы убедитесь, что я его не обидел, не ранил. Откажетесь – получите через час шкуру львёнка. Мои люди будут ждать не больше часа с этого момента. Если они не услышат, как на площадях объявляют от вашего имени о согласии с условиями перемирия – без промедления исполнят то, о чём я вам сказал, – продолжал говорить тем временем Милн.

Сын или страна? Долг чести или отеческая любовь? Что он должен выбрать? И почему вообще человека ставят перед таким выбором? Вахидеддин готов отдать жизнь за Родину, он готов душу отдать за сына. А от него требуют и жизнь, и душу, но в обмен на что-то одно. Как он может собственным решением убить сына, над которым шептал молитву, впуская его в мир под именем великого воина, отца-основателя их династии? Как можно выбрать? И разве может он отдать кому-то страну, народ, нацию, величие и славу полумесяца на красном, доверенные ему? Если бы рядом был Хумаюн! Или Мустафа Кемаль. Даже Абдулкадир смог бы помочь в этот момент, будь он рядом. Но никого нет. Есть только Вахидеддин – наедине с подлым британцем и переводчиком, который смотрит на султана с осуждением. Наверное, думает: «Чего тут размышлять?» Единственный и долгожданный сын, кровь от крови, душа Вахидеддина.

И Родина, которая и мать, и отец, и брат, и сестра, и возлюбленная – всё, что есть его, сейчас на весах. Выбирай, падишах, что тебе дороже. Выбирай, да побыстрее.

– Итак, что же? – поторопили его, услужливо раскладывая на столе документы.

Вахидеддин с отвращением посмотрел на них и отпрянул, словно не бумага, а змея распростёрлась перед ним. Он закрыл глаза, чтобы сосредоточиться и отбросить эмоции. «Расскажи мне про султана Османа I», – попросил детский голос из воспоминаний. И рука сама протянулась к документу. Выводя подпись, Вахидеддин с ужасом подумал, что он подписывает не перемирие, а смертный приговор Османской империи.

13 ноября 1918 года, Константинополь, Османская империя

Солдаты возвращались в столицу после долгих лет войны. Многие и не чаяли остаться в живых. Они прошли через крошечную тьму и провели за собой других, не позволяя опустить руки, потерять надежду и сдаться. Они мечтали вернуться с победой. Войти в город под трели женских голосов и крики «Аллах велик!» и видеть слёзы радости. А они входили в город с опущенными головами. Не смогли. Не победили. Люди выстраивались живыми стенами, высматривая: может, их любимый и близкий пришёл? Обнимались, морщась от внешних слёз. Целовали руку, прикладывали ко лбу, просили благословения. Были прижаты к сердцу и сами прижимали. Но никто не смеялся. Даже от радости встречи, от радости, что живыми вернулись. «Мы потеряли нашу страну», – и лицо кривилось от произнесённых слов. Потеряли.

Вахидеддин не выходил на улицу с тех пор, как подписал перемирие. И всем живущим во дворце запретил. Но люди не пришли с камнями. Не проклинали. Не кричали ругательства. Женщины не покидали свою половину, мужчины старались не встречаться друг с другом. Во дворце негласно начался траур. И только живой и здоровый Эртугрул согревал сердце и облегчал горечь. «Лев, мой львёночек», – шептал Вахидеддин, обнимая сына. Когда только мальчика привезли – вернулись и силы, и решительность. И она стала сильнее и тверже. «Война – так война», – стискивая зубы, повторял султан. Он жаждал мести, искал способы и пришёл к простому выводу: нужно играть роль слабого и безвольного. Пусть все думают, что он не представляет угрозы. Что он ничего не может. Но придёт время, и он возьмёт своё. Он обязательно вернёт величие Турции. И его народ снова будет смотреть с гордостью, высоко подняв голову. И никто не посмеет вступить на их землю без разрешения.

А пока пришлось смириться с тем, что британские войска высадились в Константинополе. Генерал Милн приказал разоружить все турецкие части в городе. Многих депутатов разогнали, кого-то – арестовали. Оккупанты пришли, как к себе домой, и даже не пытались проявить уважение. Мустафа Кемаль ворвался во дворец, став свидетелем происходящему. Вахидеддин понимал его ярость. Причины есть. Султан понимал, насколько взбуроражен этот офицер, но объяснять, что толкнуло на подписание перемирия, не стал. Вахидеддин не хотел, чтобы Мустафа Кемаль узнал, насколько уязвимым он оказался и как легко его сломали. Больше этого не повторится. Теперь султан готов к тому, чтобы всеми силами бороться за независимость страны. Но не открытой войной. Сначала нужно посмотреть, как будут вести себя участники войны после её официального завершения.

– Мы выждем, подготовимся основательно и нанесём сокрушительный удар, – говорил султан. – То, что мы планировали – слишком поспешно и рискованно. Ты лучше меня понимаешь, что шансы на успех запланированной операции были не значительны. Да, тяжело всё это видеть. Тяжело терпеть. Но мы затаимся, засядем в засаде. И когда жертва расслабится – нападём.

Вахидеддин откашлялся, почувствовав лёгкую тошноту от озвученного им сравнения. «Как этот проклятый Милн», – подумал султан. Ему неприятно обманывать Кемаль, выдавая всё за экстренную стратегию и точный расчёт. Но выбора нет.

– Я подписал распоряжение о твоём назначении в Министерство обороны, паша. У тебя будут широкие полномочия. И предоставляю всё для готовности к отстаиванию независимости нашей родины.

– Если вы позволите, – заговорил Мустафа Кемаль.

Его глаза так яростно сверкали, что Вахидеддин от испуга не смог произнести и слова, а только кивнул, разрешая продолжать:

– Я смогу исправить сложившуюся сейчас ситуацию. И назначение, о котором вы говорите, как нельзя кстати и поможет мне в этом. Но если вы отдадите мне в жены дочь вашу, Сабиху-султан, я буду говорить и действовать не только как солдат, создавший себе репутацию и завоевавший преданность людей на войне. Я буду представителем правящей династии и верну уважение нации к вам. И поведу народ в предстоящей войне за независимость.

Вахидеддин смотрел на стоящего перед собой мужчину и поражался его энергетике. Огонь, пылающий внутри Мустафы Кемалья, настолько силён, что султан не сомневался и секунды: он не просто поведёт людей за собой в войне. Он выиграет эту войну. И все, что задумает – воплотит. Но принимать такое поспешное решение Вахидеддин не мог. Сабиха, будучи султаншей, свободна в своём решении выходить замуж или нет. Она могла прислушиваться к желаниям родителей, но давить на дочь Вахидеддин бы не стал. Султанши по крови всегда были на голову выше всех остальных женщин. И обладали правами и свободой, которой лишены простые женщины. Отказаться от помощи, отвергнув такого союзника как Кемаль, слишком глупо. Но и ответить согласием на предложение Мустафы Кемалья, решив всё за Сабиху, идёт вразрез с принципами Вахидеддина. Единственное, что он мог – постараться устроить этот брак.

– Если есть на то воля Аллаха – она войдёт с тобой под одну крышу как законная жена. А ты станешь мне сыном и опорой, Кемаль-паша, – пообещал Вахидеддин, не в состоянии даже вообразить, что пожимает руку будущему президенту Турецкой республики.

2 глава

Сабиха́-султа́н – младшая дочь Вахидеддина. Родилась 19 марта 1894 года в Стамбуле. На момент рождения Сабихи трон занимал её дядя Абдул-Хамид II, а её отец был лишь одним из более дюжины взрослых наследников-шехзаде. Мать султанши Эмине Назикеда была дочерью цабалского князя Хасана Али-бея Маршана и адлерской княжны Фатьмы-ханум Аредбы. Умерла 28 августа 1971 года в Стамбуле

Иногда Сабиха ненавидела Бехидже-султан. Всех прочих обитательниц женской половины, даже молодую жену отца, могла и терпеть, и понимать. Айше, на самом деле, не была плохой и невыносимой. Для многих девушек их отец – самый лучший на земле. И Сабиха не исключение. Но вряд ли семнадцатилетняя Айше мечтала выйти замуж за мужчину, которого она младше на целых сорок лет! Отчаянно нуждаясь во внимании и, что уж тут таить, в обычном женском счастье, Айше не нашла другого выхода, как начать требовать и внимания, и счастья. Очень часто она вела себя как капризный ребёнок, которым, по сути, и являлась. Но искренность и непосредственность подкупали и располагали к ней несмотря ни на что. А Бехидже, даже молча находясь где-то рядом, вызывала раздражение. А ведь они так похожи с Айше! Сабиха прекрасно знала, как и многие во дворце, что сначала Бехидже предназначалась другому представителю Династии. Но, понравившись правителю, девушка была вынуждена отказаться от того, кого уже успела полюбить. И в восемнадцать лет она стала одной из жён султана. В отличие от своего младшего брата, Абдул-Хамид, даже будучи старше молодой супруги также на сорок лет, сохранил мужскую привлекательность. Более того, он выглядел моложе своих лет и умел очаровывать женщин, влюбляя в себя. Воспитанницы дворца, будучи при жизни Абдул-Хамида маленькими девочками, повзрослев, вздыхали: «Вот это был мужчина!» Теперь уже Нуреддину, сыну Бехидже и Абдул-Хамида, восемнадцать лет. И именно

разговоры о Нуреддине в очередной раз вызвали в Сабихе приступ ненависти. Нет, она любила двоюродного брата. И все эти годы, что продолжалась война, молилась за него. Впрочем, как и за других шехзаде. И Сабиха с улыбкой вспоминала мальчика, что срывал цветы, а она плела венки. Они торжественно спускались к Золотому Рогу и сплавляли венки по воде. Некрепко собранные цветы распускались по воде неровной стайкой и уплывали, скрываясь от их взглядов. Вспоминая всё это, Сабиха скучала по Нуреддину. И она тоже переживала: жив ли, вернётся ли вместе с солдатами, не попал ли в плен, не ранен ли. Однако с тех пор, как стало известно об окончании войны, Бехидже умудрилась надоесть каждому во дворце своими причитаниями. Сабиха смотрела на женщину, что всего на десять лет старше, и ужасалась: неужели она тоже совсем скоро станет такой же ворчливой и недовольной жизнью? Но затем вспоминала про маму, перешагнувшую отметку в пятьдесят лет. И рядом, как достойный пример – Шадие, которой практически столько же лет, как и Бехидже. Даже Улвие, страдающая от несчастного брака, не вела себя так, как двенадцатая жена Абдул-Хамида.

Недовольство Бехидже сложившейся ситуацией в целом усугублялось запретом султана покидать дворец. Она отказывалась принимать простую истину: это опасно. Если Нуреддин находится среди тех солдат, что приближаются к столице, то он так или иначе, но доберётся до дворца. Но аргументы не имели смысла.

– Мне бы только знать, что он вернулся в город, – то и дело, забываясь, приговаривала Бехидже, не пытаясь даже следить за темой беседы.

Ничто не имеет смысла. Только Нуреддин: вернулся или нет?

Сабиха, конечно же, осознавала, как это опасно. Особенно учитывая то, что случилось на днях с Эртугрулом. Но ещё один день, а может быть, и неделю, выносить Бехидже не могла. Дочь султана и так уже перестала появляться в общих комнатах женской половины, но найти убежище не получалось. Не она одна бежала и пряталась от надоевшей Бехидже. Султанша бродила по комнатам, выискивая того, кто плохо спрятался или недостаточно резко убежал. Решение переодеться в одежду служанки и выйти в город, чтобы посмотреть на возвращающихся солдат, вдруг показалось самым разумным и правильным. Да, опасно. Но она лишь лично убедится, вернулся Нуреддин или нет. Не будет попадаться на глаза тем, кто может её узнать. Не будет привлекать к себе внимание. Не будет заворачивать на опасные улочки. Она соблюдёт все меры предосторожности. И сразу же обратно. Именно так она говорила самой себе, пробираясь из дворца и присоединяясь к толпе.

Люди уныло обсуждали окончание войны. Несколько раз Сабиха чуть было не вступила в разговор с жителями столицы, но вовремя сдержалась. Ей не нравилось, как люди обсуждают решения султана. Не нравилось, что люди недовольны перемирием. «Отец старается сделать как лучше и для страны, и для народа», – с обидой думала Сабиха, высматривая среди солдат, идущих по центральной улице, знакомое лицо. «А вдруг он слишком сильно изменился за эти годы?» – вдруг осознала она. Нуреддин покинул Турцию задолго до начала войны. Вместе с другими шехзаде он в течение почти трех лет учился в военной академии в Германии. Потом война. И если шехзаде Фуад ненадолго возвращался в Константинополь из-за серьёзной травмы, на время лечения, то другие шехзаде, покинув родину мальчиками 11–14 лет, вернутся мужчинами. «И как я его узнаю?» – осознавая непродуманность своего плана, размышляла Сабиха.

Но через несколько минут сожаления отступили. Не узнает, не найдёт – и ладно. Она всё равно ничего изменить не может. Главное в этот момент другое – какие же красивые турецкие мужчины! Особенно в форме! Щетина на лице, немного длинноватые волосы спадают на выпирающие скулы, а глаза так и горят. Прикоснуться бы рукой к щетине, проведя пальцами по щеке сверху вниз. Попытаться очертить указательным пальцем губы. Рассмотреть каждую ресничку вблизи. Ощутить тяжёлое дыхание, в котором смешан запах табака и горячего ветра. Сабиха восторженно рассматривала мужчин в форме и понимала, что в каждого из них она готова

влюбиться. Немного. Ненадолго. Но каждый из них привлекал огнём в глазах. Боль, решимость, сломленность, усталость и что-то еще, неизвестное ей до этого дня. Сабиха зажмурилась от нахлынувшего желания прижаться к сильной груди, ощутить запах мужского тела. Прикосновения крепких рук к её спине, лоб прижат к острому подбородку и колючие волосинки из его бороды впиваются в кожу лица... «Что же это ты? Соберись! Ты же султанша! Как ты можешь думать о чем-то таком? Это недостойно тебя!» – в мыслях ругая себя, Сабиха спешила обратно во дворец, оставив затею найти двоюродного брата среди возвращающихся солдат.

Отсутствие Сабихи, кроме её старшей сестры, никто и не заметил. И когда Улвие спросила, где же пропадала Сабиха, та уклончиво ответила:

– Гуляла.

– Где? Если скажешь «в саду» – сразу пойму, что это обман.

– А почему это я не могла гулять в саду?

– Сабиха!

– В город выходила. И не надо на меня так смотреть! Ты же не просто так начала меня расспрашивать. Кто знает меня лучше, чем я сама? Конечно же, моя любимая сестра! Моя умная и проникательная сестра! Самая-самая...

– Сабиха-султан!

– Пожалуйста, не кричи, а то услышат ещё и начнут придумывать разное. Что ругаемся, например. А мы ведь никогда не ссоримся с тобой.

– Зачем ты выходила в город? Я специально перебралась во дворец с дочерью, несмотря на то что в доме мужа тоже есть кому защищать и охранять. А всё потому, что здесь намного безопаснее в такое беспокойное время. А ты так бездумно рискуешь.

– Сестрёнка, а меня, значит, обманывать можно?

– О чём ты? – устало вздохнув, спросила Улвие.

– О том, почему ты вернулась во дворец. Ты же просто видеть его не хочешь! И не говори: «Глупости всё это»! Не надо было торопиться и выходить замуж за первого, кто позвал!

Выражение лица Улвие от природы было грустным и печальным. Когда они были детьми, Улвие то и дело спрашивали: «Вас кто-то обидел, султанша?» Эти вопросы заставляли её чувствовать себя неудобно. Ей хорошо, она счастлива, ей весело, а люди вокруг одёргивают: «О, Аллах! Что с вами случилось?!» В такие моменты как сейчас, когда Улвие сдерживалась, чтобы не расплакаться, она становилась откровенно некрасивой. Сабиха любила сестру, но не могла не признавать: для дочерей иногда не к добру – быть похожей на отцов. Но когда речь идёт о султанше, даже если она дочь одного из множества шехзаде Османской правящей династии, отсутствие внешней красоты не имеет значения. Желаящий взять в жёны одну из султанш всегда найдётся. Мужем Улвие стал не кто-то более низкого сословия, как в случае с их двоюродной сестрой Неджие, вышедшей замуж за Энвера-пашу. Сын Великого визиря – это самая лучшая партия для любой султанши!

– За первого? – всхлипнув, произнесла Улвие. – Тебя, да и каждую из наших сестёр, двоюродных и троюродных, замуж начали звать задолго до того, как вам исполнилось двадцать лет. И до сих пор в желающих стать мужем кому-то из вас, ещё не вышедших замуж или уже разведённых, нет недостатка. А я... А меня... Он единственный, в двадцать лет. Я что, должна была отказаться и так никогда и не выйти замуж? Или дожить до преклонных лет, когда какой-нибудь старик, желающий стать зятем Династии, вспомнит, что есть ещё одна свободная султанша. И решит: «Ну, а почему бы и не её?»

Сабиха подошла к сестре и обняла Улвие.

– Наверное, надо было всё-таки дождаться любви.

– А ты думаешь, меня можно полюбить? Такую вот – можно?

Этот вопрос волновал и Сабиху. Пусть внешне она более привлекательна, но кто из султанш выходил замуж за мужчину, искренне полюбившего дочь династии? Все они мечтают о любви. Кто-то выходит замуж, влюбившись, но мало кого действительно любят в ответ.

– Каждую можно, душа моя. Каждую. И тебя, и меня. Просто ждать тяжело.

И, чтобы скрасить тяжёлое молчание, возникшее в ходе разговора, Сабиха продолжила уже более весёлым голосом:

– Солдаты такие привлекательные!

– Так вот куда ты ходила. На солдаток посмотреть, – Улвие промокнула глаза уголком головного покрывала и улыбнулась.

– Нет, я пошла, чтобы посмотреть, не возвращается ли Нуреддин.

– Только Нуреддин? А Омер? А Фуад? Почему только младший из шехзаде, ушедших на фронт?

– Потому что только мама Нуреддина... – Сабиха не договорила, многозначительно взмахнув правой рукой.

– А в итоге забыла про Нуреддина, заведя настоящих мужчин? – подтрунивая над младшей сестрой, произнесла Улвие.

– Нет, не забыла! Я... просто... Да ну тебя! Всё, ладно, потом договорим. Я пойду поздороваюсь с отцом, узнаю, как он себя чувствует, – поспешно закончила разговор Сабиха и выбежала из комнаты, прижав ладони к горящим щекам.

Сабиха ожидала увидеть перед собой повзрослевшего брата. Нуреддин вошёл в комнату следом за Бехидже. Да, высокий. На голову выше Сабихи. При последней их встрече они смотрели друг другу в глаза, находясь на одном уровне. А в остальном – всё такой же. Только трапециевидной формы усы пытались показать, что их обладатель больше не мальчишка. Он пришёл в парадной форме. Несколько орденов и медалей поблёскивали слева на груди. Прямая спина, или, как принято это называть, «царская осанка», выдавала его происхождение. Даже не зная, кто он – благородную кровь легко распознать по манере разговаривать, мимике, жестам. Сабиха с удивлением подметила, что Нуреддин наклоняет голову, когда с чем-то согласен, точно так же как её дядя Абдул-Хамид. «Надеюсь, что и в остальном он будет более похож на своего отца, нежели на мать», – подумала девушка, обходя стул, на который усадили Нуреддина.

– Зря вы съехали. Во дворце места достаточно. И уж намного комфортнее, чем в гостинице, – сказала Эмине не то Бехидже, не то её сыну.

Нуреддин в последний раз был во дворце Долмбахче до свержения Абдул-Хамида. В течение первого года, после прихода к власти Решада и ссылки в Салоники её мужа, Бехидже приходила в Долмбахче, выпрашивала ренту и прочие денежные вспоможения. У других жён сверженного султана к тому моменту повзрослевшие дети обзавелись собственными домами и забрали матерей к себе. Тех жён, которые, как и Бехидже, родили не так давно, Абдул-Хамид взял с собой. Кроме неё. Её, родившую султану двух сыновей, один из которых умер в детстве, выгнали на улицу, как и нерожавших жен Абдул-Хамида. Но некоторые из детей сверженного султана позаботились о брате и его матери. Через год Абдул-Хамид вернулся. И какое-то время Нуреддин жил вместе с отцом в дворце, выделенном тому в качестве тюрьмы. Спустя ещё год мальчика отправили в военное училище. Затем военная академия в Германии и, наконец, война. За это время Абдул-Хамид умер, Бехидже снова оказалась на улице. Но на этот раз под свою опеку женщину взяла Шадие. Сабиха знала, что до того, как её отец заприметил ту, что родила ему впоследствии сына, Шадие прислуживала Бехидже. Но чем Бехидже, несмотря на свой характер и подчас просто невыносимое поведение, заслужила такую верность от бывшей служанки – Сабиха не знала. Да и, собственно говоря, не интересовалась. Хотя за послед-

ние полгода, что Бехидже жила с ними, любопытство не раз овладевало девушкой. И несмотря на неприязнь к двенадцатой жене Абдул-Хамида, Сабиха была готова к тому, что та продолжит жить вместе с ними. Но Нуреддин, вернувшись в столицу, сразу же направился в гостиницу и через несколько дней перевёз туда и Бехидже.

– Спасибо, что позаботились о моей валиде. Было бы неудобно стеснять вас и далее, – шехзаде учтиво наклонил голову и улыбнулся.

– И всё-таки, шехзаде Нуреддин, гостиница – не самый лучший вариант, – заметила Шадие, подавая чай вдове Абдул-Хамида. – Пока династия жива – двери множества домов открыты для вас. Например, ваш брат Абдулкадир-эфенди с радостью бы разделил с вами Кызылтопрак.

– Не сомневаюсь, султанша. Но брат тяжело переживает смерть нашего отца, прибегая к алкоголю, чтобы забыться. Не хотелось бы доставлять ему лишние неудобства в это время. Возможно, мы вскоре переедем к другому моему брату – Бурханеддину. Но это ещё не окончательно решено. Всё-таки пора мне уже своим домом обзаводиться, – серьёзно проговорил Нуреддин.

Следующие полчаса прошли в расспросах и ответах о том, как же тяжело на войне, вдали от родины, вдали от семьи. Улвие унесла хнычущую малышку, высказав сожаление, что не может остаться вместе со всеми. А ещё через несколько минут после её ухода женщины перевели своё внимание с шехзаде, увлекшись обсуждением важных, на их взгляд, вопросов. Новые ткани, ремонт дворца, надвигающаяся зима, англичане, привёзшие с собой новые сорта чая – всё это могло заинтересовать как и Сабиху, так и Нуреддина, но они предпочли отойти в другой конец комнаты.

– Зря, всё-таки, ты не поселился в Долмбахче, брат мой. Все воспитанницы дворца и служанки с нетерпением ожидали тебя.

– Меня?

– А кого ещё! Нет, они, конечно, до сих пор очарованы братом Фуадом. Как, впрочем, и все девушки в городе. Те несколько месяцев, что он провёл в Константинополе в прошлом году, разбили немало сердец. Его подвиги на фронте, конечно же, тоже обсуждали, но не так, как новое авто, на котором он разъезжал по улицам. Или его безупречные костюмы. Он выглядел как герой романа! Он даже однажды – ты не поверишь! – нарвал цветов и прошёлся с этим огромным букетом по городу, раздавая всем женщинам, что встретились ему, по одному бутону. Так что его тоже ждут с нетерпением. Но он, скорее всего, вернётся в особняк своего отца. А наши девушки могут его и не поймать, не то, что тебя.

– Ах, я добыча? – рассмеялся Нуреддин.

– Ты же прекрасно понимаешь, что каждая девочка, попадающая во дворец, рассчитывает когда-нибудь выйти замуж за шехзаде. А сейчас в этом дворце только один шехзаде моложе сорока. И тому шесть лет. Так что пока Эртугрул не вырастет – всё внимание и надежды на тебя. И на Фуада. Но он ещё не вернулся в Турцию.

– А ты ни про кого не забыла?

Сабиха с непониманием посмотрела на брата, пытаясь понять, что он имеет в виду. Нуреддин не торопился ей помочь и явно не собирался подсказывать.

– Династия, конечно, очень обширная, и шехзаде много, но... А-а-а, ты про Омера! – догадалась Сабиха, покраснев.

Она не то, чтобы забыла про него. Просто в первую очередь на память приходят двоюродные братья. А Омер – внук Абдул-Азиза, дяди её отца. Следовательно, для неё он троюродный брат. Более того, именно отец Омера сейчас является наследником престола и возглавит дом Османов после смерти Вахидеддина. Поэтому между собой семья султана предпочитала избегать разговоров о потомках Абдул-Азиза.

– Я не забыла, – начала оправдываться Сабиха. – Просто про него местные девушки почти ничего не говорят. А про Фуада и тебя – перешёптывались не раз.

– Это всё из-за его несчастной любви. Девушки, скорее всего, думают, что у них нет шансов.

– Несчастливая любовь? Но с ним-то всё в порядке? Он же не сильно страдал? И почему я ничего не слышала об этом? То есть служанки знают, а я нет?! А ну-ка, рассказывай!

– Я не говорю, что они знают. Просто могли слышать, поэтому и не обсуждают его как возможную добычу.

– Рассказывай уже! Знаешь, как интересно? И когда успел? Значит, вот как вы воевали? Ещё и любовь пережить удалось в добавок ко всему! Ну, так и что там за девушка была?

– Тебе об этом лучше у самого Омера спросить. Я лишь могу сказать, что они познакомились два года назад. Она ухаживала за ним в лазарете. И что она умерла месяца четыре назад.

– Нуреддин!!!

– Тише ты!

– Нуреддин, ты хуже... Не знаю кого. Рассказал, называется.

– Хорошо. Ещё кое-что скажу. Но больше у меня ничего не спрашивай. Хочешь узнать поподробнее – спроси у Омера.

– Ладно, говори.

– Это была непростая девушка. Я знаю, что это одна из принцесс Романовых.

– Романовых? Это из Российской империи?

– Да, только империи уже нет. Их расстреляли, всю семью, почти через год после свержения. Четыре принцессы и один наследный принц. А также верных слуг не пожалели. А потом бросили тела в общую могилу, и где они захоронены, никто не знает.

– О, Аллах! Бедняжки!

– Да, и для Омера сейчас непростое время. Такая любовь была! И девушка красивая, очень.

– Откуда знаешь?

– Ты что! Про неё же столько разговоров было!

– Во дворце про неё, между прочим, ничего и никто не говорил, – с обидой подметила Сабиха.

– Ладно, расскажу, но только то, что про неё слышал. И всё, больше ничего не скажу ни про неё, ни про Омера и их чувства.

Сабиха поспешно кивнула и придвинулась поближе к брату, не скрывая любопытства.

– Она самая старшая. Ольгой звали. Всякий, кто видел её – тотчас влюблялся. Милое создание. Говорят, что у неё были тёмно-синие глаза, пышные светло-русые волосы. Серьёзная, умная, честная и прямолинейная. А ещё говорят, что она очень скромно шутила.

– Подожди! Ты сказал, что они познакомились в лазарете, когда девушка ухаживала за Омером. Как принцесса могла ухаживать за простым раненым? Да ещё и за вражеским раненым? Ты всё придумал, да? Ты меня обманываешь?

Сабиха замахнулась и слегка ударила Нуреддина по плечу. Он поймал ударившую его руку, сжал в ладонях и тихо проговорил:

– Хочешь знать всё как было – спроси у Омера. Это его история. И то, как он попал в лазарет к противнику, где за ним ухаживала дочь императора.

– Времени ведь мало прошло. Вдруг своими расспросами я сделаю ему больно?

– Может быть, ему как раз и надо выговориться? Вскрыть рану, очистить нагноение.

– А вдруг он мне не расскажет? – прошептала Сабиха.

– А разве есть кто-то, способный не рассказать тебе всё-всё, да ещё и самое потаённое?

Сабиха промолчала. Ей безумно хотелось узнать подробности этой истории. Более того, в рассказе Нуреддина столько пробелов, что мозг, пытаясь отчаянно их восполнить, рисует

безумные картины. Как в книгах, которые она изредка читала вместе с Улвие до войны. «Как себя чувствует Омер? Насколько ему тяжело справляться со всем этим? Надеюсь, он не сильно переживает... А вдруг у Омера с этой Ольгой было что-то действительно такое же потрясающее, как и в книгах? И каково это – так любить? Как это на самом деле? И какой она была, точнее, что в ней так понравилось? А меня, меня так можно полюбить? Есть ли во мне то, что так понравилось ему в этой Ольге?» – нервно размышляла Сабиха, когда гости покинули дворец, оставив её с решимостью встретиться с Омером и поговорить.

«Если один из Династии так может любить, то, значит, и одна из Династии сможет испытать такие чувства на себе!» – мечтала Сабиха в течение последующих дней после разговора с Нуреддином. Запланированный визит во дворец шехзаде Абдул-Меджита, чтобы поприветствовать вернувшегося Омера, откладывался. Причины каждый раз были весомыми, и Сабиха без возражений уступала им. Но в глубине души теплилось осознание, что, на самом деле она просто использует возникающие препятствия как отговорки. Она боялась. И испытывала растерянность из-за незнакомых доселе чувств. Беспричинных. Необъяснимых. Откажется Омер рассказывать ей про свою драму – что в этом такого? Или вдруг заявит, что ей никогда не стать похожей на ту принцессу, даже на малую часть, – подумаешь, она просто другая, это нормально. Или вдруг окажется, что вся эта история, про несчастную любовь принцессы – это вымысел, обман, какая-то легенда, пересказанная Нуреддином. И как она могла поверить такой несуровости? Российская княжна и турецкий шехзаде в разгар войны, в которой они по разные линии фронта – такого просто не может быть! Но если это правда, то насколько сильными были чувства, вынудившие смириться со всем, что их разделяло, и принять эту любовь! Сабиха жаждала узнать всё, при этом опасаясь убить в себе мечтательную натуру. Вдруг она осознает, что с ней ничего подобного никогда не произойдёт? Она же не русская принцесса. Она из другого мира. Это там, в далёкой стране, принцессы могут выходить замуж по любви. Могут позволить себе любить. А здесь, в Османской империи, султанши входят в покои к мужчинам, что полезны династии. И султанши запирают мечты и надежды на любовь глубоко в сердце. А затем хоронят каждый день, называя нелюбимого человека мужем. Султанши глотают слёзы обиды, узнавая о многочисленных любовницах тех, от кого рожают детей. Да, взяв в жёны дочь шехзаде или султана, мужчина принимает и жёсткое требование: никакого гарема и других официальных жён. Но смотреть на женщин, желать их, заполучать их – не запретить. Султанши гордятся тем, что кроме них – жён нет. И скрывают горечь от знания: другие женщины всё равно присутствуют. С ними делят не жизнь – постель. А всё потому, что женятся не из-за любви. И не из-за того, что султанши прекрасные женщины. На них женятся ради карьеры, из-за тщеславия. Русские принцессы могли рассчитывать на любовь, а турецкие лишь мечтали о ней. И что, если разговор с Омером лишит Сабиху и этой мечты?

Но в один день логичные причины, вроде «надо дать ему немного привыкнуть к жизни в столице, да ещё и при дворе, после долгого отсутствия» и «сейчас слишком беспокойно из-за британских солдат, заполнивших Константинополь», использованные в качестве отговорки, исчезли. Город и люди, населяющие его, пытались принять оккупантов и научиться жить рядом с ними. Откровенных стычек на улицах уже не было. А двоюродный дядя Сабихи Абдул-Меджит с радостью приглашал членов династии в свой дворец поприветствовать его сына. Каждый день Сабиха просыпалась с мыслью: «Надо приказать подготовить всё к поездке, после обеда можно будет выезжать». За обычными утренними ритуалами не находилось подходящей возможности озвучить этот план. А спустя несколько часов меняла решение: «Завтра. Сегодня я устала, погода пасмурная и вообще – у отца плохое настроение. Будет неправильным оставить его в такое время». Словно речь шла не о визите, способном отнять не более четырёх часов, а о многодневной поездке в далёкие провинции.

Но одна настойчивая мысль жгла сердце девушки, не давая ей окончательно оставить затею разузнать про историю любви троюродного брата с русской принцессой: «Как выглядит горячо любящий мужчина, потерявший ту, ради которой билось его сердце?» И именно любопытство – увидеть Омера, разглядеть в его глазах что-то, говорящее о чувствах, потере и переживаниях – толкнуло Сабиху в конце ноября на незапланированную поездку. Она просто вышла и без лишних подготовок сказала:

– Сегодня я собираюсь посетить нашего дядю и брата.

По дороге ко дворцу Абдул-Меджита, Сабиха пыталась отрететировать разговор с Омером. С чего она начнёт, как подведёт к интересующему её вопросу, как будет тактично обходить болезненные моменты, как, возможно, примется утешать его. «И, конечно же, нужно сказать, что он ещё обязательно встретит ту, которую полюбит так же страстно, как Ольгу», – решила Сабиха, будучи уверенной, что русскую принцессу и турецкого шехзаде связывала великая любовь, как в предании про Лейлу и Меджнуна.

Но, к большому удивлению султанши, разговор с самого начала сложился не так, как предполагалось. Омер не выглядел подавленным и удручённым. И уж точно не походил на мужчину, страдающего от преждевременной гибели возлюбленной. Это несоответствие вынудило Сабиху возмущённо произнести, почти сразу же, как им подали чай:

– Я думала, что хоть ты, хоть ты один, способен по-настоящему полюбить, а ты!

Омер замер со стаканом в руках и, слегка откашлявшись, спросил:

– Что? Какая любовь? О чём ты?

Красивая сказка разбивалась на глазах. Сабиха почувствовала, как начинает щипать в носу, а глаза увлажняются слезами. Он даже не понимает, о чём речь! Если окажется, что Нуреддин сказал правду, а Омер – просто бездушный человек, не способный любить, чувствовать и переживать, то это будет самым большим разочарованием в её жизни.

– Как о чём?! О тебе и русской принцессе, Ольге.

– Подожди. А откуда ты знаешь?..

– Да все шепчутся об этом! – не дав Омеру договорить, воскликнула султанша. – Ну... может, не все. Но ваши отношения не такой уж и большой секрет, чтобы об этом не узнали во дворце! А ты... Так спокойно разговариваешь о всяких не имеющих никакого значения вещах. Улыбаешься, смеешься. Я думала, что она была особенной, а оказывается она такая же, как все, её легко забыть.

– Сабиха, послушай, – Омер вздохнул, поставив стакан с чаем на поднос, и отодвинулся от собеседницы. – Выслушай меня, пожалуйста, спокойно. Сможешь?

Девушка кивнула.

– Во дворце про меня и Ольгу никто не мог знать. И уж точно никто не мог шептаться на эту тему так, чтобы ты слышала. Откуда ты узнала? Тише! – он предупреждающе поднял руку, пытаясь остановить всплеск эмоций. – Просто скажи: откуда ты узнала?

– Какая разница, откуда? Важно не это. А то, что ты так спокоен! Даже равнодушен! Как у вас, у мужчин, это получается? Вы что, вообще не способны любить? Или нет, при чём тут любовь? Любить, может, и способны, но быть верными – нет. Преданность – тоже не о вас. Хотя родине, флагу, вы преданность и верность храните, а женщине, которую называете любимой...

– Сабиха, успокойся. Успокойся, тебе говорю! Ты ничего не понимаешь, все не так...

– Так объясни! Я хочу понять! Я хочу знать, что... как... почему... Объясни!

Султанша резко придвинулась к Омеру и схватила его за руку. Кожа как кожа, рука как рука, но сердце на несколько секунд остановилось, перестав биться в обычном ритме. Так спокойно и уютно – сидеть рядом, держать за руку, пить вместе чай. И всё, больше ничего не надо. Непонятное умиротворение усиливалось чувством – мира нет. Вокруг нет ничего и никого. Только она и он. Только её рука поверх его. Сабиха испугалась незнакомых доселе ощущений и, смутившись, отодвинулась.

– Ну же, говори, – поспешно пробормотала она, надеясь, что Омер не заметил её смывания.

– Зимой 1916 нас разгромила Русская Кавказская армия, захватив стратегически важный город. Наш командир придумал отличный план для проведения разведывательной операции. Так как я знаю русский, то меня, раненого, переодели в форму убитого русского солдата. Под его документами меня доставили в столицу Российской империи. Несмотря на то, что я младше этого солдата, никто ничего не заподозрил. Он был эриванцем, и мой акцент, а также внешность, соответствовали моему новому, так называемому, происхождению. На вокзале нас, раненых, встречали сестры милосердия. Уже потом я узнал, кем они были на самом деле. Великие княжны, дочери правящего императора. Но там, на вокзале, я даже и предположить не мог, что девушки, беспрекословно выполняющие указания докторов и мою ноги солдатам – принцессы.

– Но зачем? – перебила Омера Сабиха. – Зачем они делали это? Разве не нашлось других? Служанок, простолюдинок? Мыть ноги кому-то – это вообще унижение, а солдатам... Они месяцами нормально не следили за гигиеной. И непонятно в каких условиях жили последнее время. Разве принцессам не было противно?

– Я примерно так же размышлял, когда узнал о том, кто они. Более того, я пытался представить, а смогли бы наши султанши сделать что-то такое? Смогли бы омыть ноги простым солдатам? Позаботиться о тех, кто воюет ради родины? И...

– А ты думаешь не смогли бы? Ты думаешь, что мы хуже, чем они? – защищаясь проговорила Сабиха, понимая при этом, что да, хуже.

Да, не смогли бы. «Так вот почему она особенная», – с тоской подумала султанша, пытаясь хоть на секунду представить себя на месте княжны Ольги.

– Мы – турки. У нас другое отношение к женщинам, нежели у русских. Или европейцев. Ни один уважающий себя мусульманин не позволит своей жене, дочери или сестре ухаживать за чужими мужчинами и оставаться с ними наедине.

– Они, наверное, хотели показать, какие они хорошие, поэтому и мыли ноги простым солдатам. Чтобы поддержать авторитет правящей семьи, – надменно проговорила Сабиха, выпрямившись.

Она лишь несколько месяцев дочь правителя, но уже усвоила многие правила, среди которых: «Ради целостности и могущества Династии те, кто отвечают за неё, должны пойти на всё, что только в их силах».

– Здесь проявлялся очень простой и важный факт: раны от грязи нужно очищать сразу, чтобы предохранить от заражения.

Омер, взяв стакан, сделал несколько глотков, не отводя при этом взгляда от Сабихи. «Что всё это значит?» – взволнованно подумала она. – «Почему Омер так на меня смотрит? И разве у него всегда были такие добрые глаза?» Сабиха нетерпеливо заёрзала в кресле, желая как можно скорее закончить разговор и вернуться домой. Хотела сбежать от взглядов Омера, потому что они заставляли её нервничать. И это пугало.

– Меня разместили в дворцовом лазарете Царского Села, хотя по документам я был обычным прапорщиком, – продолжил рассказывать Омер. – Меня все называли Дмитрием Шах-Баговым. Я не буду рассказывать про детали моего пребывания в столице Российской империи, потому что это было частью операции. Несмотря на то, что ты дочь падишаха, эта информация не подлежит разглашению для кого-либо, кроме узкого круга людей. Но, находясь там, я общался достаточно близко в основном с Ольгой, как и с другими княжнами.

– Так ты её любил? Или просто очаровывал ради получения полезной информации?

Сабихе стало обидно за русских принцесс. Оказывается, их чувствами могли играть, преследуя свои цели. Это хуже брака из выгоды. Брак – это какой-то результат, итог. А играть в любовь, чтобы потом бросить за ненадобностью – это несправедливо по отношению к любой

девушке. Не только к принцессе. «Как он мог так поступать?» – разочарованно подумала Сабиха.

Омер промолчал, затем, посмотрев куда-то поверх головы султанши, тихо ответил:

– Любил. Её было нельзя не полюбить.

– Но при этом ты проводил разведывательную операцию!

– И что? Да что ты знаешь? – не выдержав, воскликнул Омер. – Думаешь, что всё понимаешь? Думаешь, что я не хотел бросить всё ради неё? Думаешь, я не хотел? Да, любил! Любил! Но Родину люблю больше! Что мне оставалось? Когда я уже лежал в лазарете, она отказалась выйти замуж за румынского наследного принца, сказав, что она русская и хочет остаться таковой. Отказалась покинуть родину и жить в чужой стране. И за меня, за меня она бы тоже не согласилась выйти. А что оставалось мне, по-твоему? Отречься от своей родины ради неё? Я не смог.

Сабиха заметила в глазах Омера и сильные чувства, и переживания – то, что так жаждала увидеть. Для него Ольга потеряна не четыре месяца назад, а два года. Для него уже не так остра боль. Не так сильны страдания. Для него уже пришло время новых чувств. Новой любви. «Если бы он мог полюбить меня», – вдруг подумала султанша и замерла, осознав эту мысль. Разговор стал слишком неловким, слишком опасным. Слова Омера начали волновать Сабиху. «Да, любил! Любил!» – звучало в голове неутраченным эхо. Любил – в прошлом. А сейчас? Сейчас Ольги нет в живых. Любить некого. И некому любить её, Сабиху, дочь Мехмеда VI Вахидеддина, 36-го султана Османской империи.

– Извини, пожалуйста. Я... я больше не буду поднимать эту тему. И никому не скажу, – пообещала девушка, чувствуя, как слёзы бегут по щекам.

– А тебе кто рассказал? – настойчиво спросил Омер.

Сабиха не хотела выдавать Нуреддина. Если бы она знала, что эта тема затрагивает военную тайну, то не стала бы её и поднимать. А сейчас она не только себя поставила в неловкое положение и грубо разворошила рану Омера, но и подставила брата.

– Я... Не помню уже. Кто-то. Это давно было. Ладно, не буду больше смущать тебя своими расспросами и присутствием. Меня, наверное, заждались в Долмбахче. Я не стала беспокоить родителей и не сказала им, что собираюсь к вам в гости. Боюсь, что если не вернусь к ужину, они заметят моё отсутствие и будут недовольны, – присоединяя одну ложь к другой, поспешно проговорила Сабиха, прощаясь. Омер, на западный манер, поклонился и поцеловал ей руку. Прикосновение губ было лёгким, почти неуловимым. Сабиха крепко сжала руку шехазаде, не желая отпускать. Она хотела, чтобы он поцеловал её ещё раз и ещё. Она бы так и стояла, держа его за руку, если бы Омер не отрезвил её, напомнив:

– Да сохранит тебя Аллах в дороге, сестра моя.

Сестра. Сестра! Что она себе позволяет? Он её брат! Не родной, троюродный, закон и общество не запрещают. Но он её брат! Сабиха отпустила руку Омера и торопливо покинула комнату. Расстояние до повозки, на которой приехала, преодолела бегом, прекрасно понимая, что от себя-то не убежать. Этот мужчина волнует её сердце. Ей нравится этот мужчина. Ей нравится Омер.

Будучи подвижной и озорной девочкой, Сабиха не раз заявляла матери, что хочет быть такой же, как Спящая красавица.

– Ты будешь спать сто лет. В полном одиночестве.

– И что? Зато, когда проснусь – больше никогда не буду одна!

– Ты ведь не одна сейчас. У тебя есть я, Улвие, отец. Вокруг всегда есть дяди, тёти, двоюродные братья и сёстры. Ты – часть великой династии. Ты не можешь быть одна. Никогда. Всегда найдётся кто-то, кто поможет, поддержит, протянет руку, если понадобится. В этом

смысл семьи. В этом суть династии – никто не одинок, пока мы есть друг у друга, – наставляла дочь Эмине.

– Но он, тот самый, что только для меня, ещё не встретился, не нашёл свою принцессу. И если я буду, как Спящая красавица, мне не придётся проводить годы в ожидании – я буду спать. И только его поцелуй сможет разбудить меня от этого сна.

– Ах, Сабиха, девочка моя! Что же ты такое говоришь? Ты хочешь проспать часть жизни только потому, что не хочешь ждать?

– Ненавижу ждать! Лучше пропустить эту часть!

Больше десяти лет прошло, и только сейчас Сабиха почувствовала, что превращается в Спящую красавицу. Желание сбылось. Запоздало, своеобразно, но сбылось. Каждый день проходил, как в тумане. Не думать, не чувствовать, ничего не предпринимать. Есть только два момента в каждом дне: один – при пробуждении, другой – когда головой коснувшись подушки, пытается заснуть. Чары колдуньи ещё не действуют. Спящая красавица ещё не погружена в бессознательное состояние. Она видит в воспоминаниях его лицо, слышит его голос, ищет знаки между предложениями, произнесёнными им. Пытается найти что-то обнадёживающее. Всё может быть? Или это уже из другой сказки?

Из состояния сна Сабиху вывел разговор декабрьским утром. Впервые за месяц после заключения перемирия Вахидеддин присоединился к своей семье за завтраком. Улвие передала дочку служанке и спокойно ела обжигающе горячий суп. Сабиха смотрела на свою тарелку и просто ждала, когда он остынет. Рядом с ней сидела Шадие и уговаривала Эртугрула:

– Если вы съедите тарелку этого супа, шехзаде, я разрешу дать вам халвы.

– Нет, не хочу, – капризничал мальчик.

Шадие глубоко вздохнула и приказала отвести Эртугрула на кухню.

– Дайте ему всё, что он захочет, – велела она при этом.

Эмине с улыбкой вспоминала:

– Сабиха тоже плохо ела, когда ей было лет шесть-восемь. И намучилась я с ней тогда! Улвие никогда забот не доставляла. Ела всё, что давали. Надевала всё, что предлагали.

– Я уже думаю просить готовить для него отдельно то, что он любит. А то целыми днями голодный. Съест совсем крохи – как так можно?

– Дети. Им немного хватает. Скоро и Улвие придётся переживать проблемы с питанием у малышки. Вот исполнится год.

– У меня тоже будет ребёнок. И он не будет таким капризным и вредным, как ваши, – вмешалась Айше, высокомерно окинув взглядом разговаривающих женщин.

– Если Всевышний будет доволен тобой и дарует тебе дитя, – заметила Эмине, передавая хлеб султану.

Вахидеддин улыбнулся первой жене, взял ломоть хлеба, отломил от него небольшой кусочек и протянул обратно Эмине. Сабиха, не удержавшись, улыбнулась, увидев это. Милая традиция, берущая начало задолго до заключения брака родителей. Вахидеддин долго ухаживал за девушкой, убеждая выйти за него замуж. Неуклюже, каким, впрочем, он и был всю жизнь, Вахидеддин оказывал знаки внимания, терпел отказы и продолжал вновь и вновь настойчиво предлагать руку и сердце независимой Эмине. Однажды сердце девушки дрогнуло, и она согласилась, взяв с Вахидеддина клятву, что тот не возьмёт других жен. Он пообещал. И держал слово ровно до тех пор, пока Эмине сама не освободила его от обещания под тяжестью сложившейся ситуации. И хотя она никогда не говорила о своих чувствах к мужу при детях, Сабиха была уверена, что родители до сих пор любят друг друга.

– Надеюсь, Всевышний доволен моей дочерью и дарует ей хорошего мужа, – сказал Вахидеддин, откусывая хлеб и поднося ложку с супом ко рту.

– Тогда почему вы отказали Ахмеду Каджару Хану, шаху Ирана, не так давно сделавшему предложение нашей дочери? – после небольшой паузы, воцарившейся за столом, спро-

сила Айше. – Говорят, очень привлекательный мужчина, да ещё и правитель. Чем не хороший муж?

И именно в этот момент Сабиха словно проснулась от сна. Какой-то мужчина просил её руки у султана, а она и не знала об этом! И если бы отец дал согласие? Сейчас пришлось бы готовиться к браку с тем, кого она ни разу не видела. А как же её чувства? Их что – совсем нет, по их мнению, раз они готовы так легко и просто распорядиться её будущим? Сабиха возмущённо отодвинула тарелку и внимательно посмотрела на отца, дожидаясь его ответа.

– Если повелитель позволит, – заговорила Эмине.

Султан кивнул, разрешая женщине говорить.

– Может быть, я ошибаюсь, но... Всем известно, что этот шах – человек без реальной власти, от имени которого правят другие. Он бы не смог помочь Турции, особенно сейчас, когда страна в таком положении. И он не смог бы оказать достойную поддержку династии.

– Нет, душа моя, причина в другом. Но ты отчасти права. Я просто не могу доверять свою дочь ненадёжному человеку.

Сабиха улыбнулась и воскликнула:

– Ах, отец!

Благодарность наполнила сердце. Зря она позволила себе переживать. Султан никогда не отдаст её против воли, да ещё и ради выгоды. Он её любит. И уж он-то поймёт! Уж он-то поддержит!

– Более того, – заметила Шадие, обращаясь к Айше. – Шах Ахмед младше нашей Сабихи на четыре года.

«Как и Омер», – предательски мелькнула мысль. Сабиха вцепилась в скатерть, сминая ткань в руках. Она хотела спросить: «И что в этом такого? Ну, младше – и что? Почему, когда мужчина старше лет на 20—40 – это нормально. А если женщина на несколько лет – уже что-то ненормальное». Сабиха хотела возразить: возраст – не главное, главное любовь и если она есть, то всё остальное теряет смысл. Но вместо неё заговорила Улвие:

– Отец, матушка, простите меня, может быть, сказанное сейчас покажется вам неуместным. Словно я жалуюсь на что-то. Нет, я благодарна вам за всё. Но, пожалуйста, хотя бы Сабихе дайте возможность любить или быть любимой.

– Улвие!

– Дитя моё, разве я против любви? Нет, не против. Я очень хочу, чтобы вы, мои прекрасные девочки, были счастливы и любимы. Но как отец, как глава династии, я должен позаботиться о вашем будущем, о будущем династии, не выводя чувства на передний план. Я каждый день молюсь о вас, прошу у Создателя милости и благословений для вас. И я верю, что он дарует вам всё лучшее в этой жизни.

Сабиха чувствовала что-то двойственное в словах отца, но не понимала, в чём дело. Отпустив уже изрядно помятую скатерть, она было хотела расспросить султана, как заговорила Айше:

– Если вы все будете так перебирать, то она никогда замуж не выйдет. Привлекательнее Сабиха не становится. И для неё скоро поздно будет детей рожать. Станет никчёмной, пустой женщиной. Так что надо поторопиться и выдать её замуж хоть за кого-нибудь. А если это достойный мужчина – то почему сразу отказывать, выискивая недостатки и оправдания?

Эмине выпрямилась. Из-за тяжёлого возмущённого дыхания грудь резко поднималась и опускалась. Сабиха быстро встала, подошла к матери и обняла за плечи, успокаивая. Внутри неё всё кричало: есть достойный, самый достойный! Он лучше всех тех, кто когда-либо предлагал ей замужество! Он смелый, храбрый, умный. Для него Османская империя и династия так же дороги, как и для неё, а значит он, как и она, будет делать всё, чтобы флаг с луной развевался гордо над землями их предков. И пусть он не воспринимает её как женщину, с которой можно пройти оставшийся жизненный путь. Он не знает о пламени, что охватывает её сердце

после той встречи – пусть. Но Сабиха не собирается становиться такой же несчастной, как Бехидже. Она не позволит другим решить за неё, заставив при этом смотреть на любовь всей жизни. «Придёт время, придёт», – думала Сабиха, ободряюще сжимая руки Эмине. – «Любовь победит, всё победит. Всех». Девушка прикоснулась губами ко лбу матери, нежно поцеловав. Как та целовала дочерей, когда они плакали в детстве, упав или ударившись.

Улвие развернулась к Эмине и, взяв её за руку, прошептала:

– Не обращайтесь внимания, матушка.

– Айше, дорогая моя – строго заговорила Шадие, делая нажим на каждом слове. – Султанша никогда, слышишь, никогда не будет пустой и никчёмной женщиной. Даже если она не выйдет замуж. И запомни, хорошенько запомни: та, что родилась султаншей, обречена на иной путь, нежели другие женщины. Она не сможет возглавить династию, как шехзаде. Она не поведёт за собой армию. Но она может спасти страну и династию, используя другие методы.

– Ты говоришь со мной, как с глупой девочкой.

– Потому что ты ведешь себя как девочка. Прекрати! – повысив тон голоса, заметил султан.

Все удивлённо посмотрели на него. Подобных проявлений властности за Вахидеддином не замечалось до этого момента.

– Повелитель! – не удержавшись воскликнула Сабиха, восхищенно захлопав в ладоши. – Хоть сейчас армию да в бой. Да, отец?! – продолжала она восторгаться.

– Какой из меня полководец? Сейчас другие имена, другие герои.

– Разве может быть кто-то лучше вас во главе армии? – поддержала сестру Улвие.

Их расслабленность и искра игривости передались Эмине. Женщина заулыбалась, переводя взгляд с одной дочери на другую.

– Пока на османских землях есть такой человек, как Мустафа Кемаль-паша – никто не сможет быть лучше него в военных вопросах.

– Я слышала про героизм этого паши в Галлиполи, – сказала Эмине, расслабленно откинувшись на спинку стула. – После той победы во всем мире перестали говорить о неполноценности турок. Ещё бы – мы терпели поражения на протяжении последних ста лет, а тут такая победа! И всё благодаря этому человеку. Он один стоит тысячи доблестных солдат! Благодарность Аллаху, что Кемаль-паша на вашей стороне, повелитель.

Сабихе было обидно слышать, как хвалят и превозносят Мустафу Кемалья. «Омер, между прочем, тоже много великого сделал на войне. Просто об этом нельзя рассказывать, вот и не знает никто. А он ведь тоже хороший солдат! Может быть, даже лучше этого Кемалья-паша. Точно лучше!» – размышляла девушка, возвращаясь на своё место за столом. Суп давно остыл, но Сабиху это не волновало. Больше беспокоило то, что если она позволит себе пребывать во сне, как Спящая красавица, может прийти такой день, что она проснется, а рядом будет нелюбимый мужчина. Всё, потому что она сама ничего не предприняла. «Не буду ждать», – решила Сабиха, доедая суп.

Во всем мире отмечали наступление нового года. Год, в котором не будет войн, – писали в газетах. Султан, читая подобные заявления, повторял одно: «Дай Аллах, чтоб было так». Но Сабиха слышала в его голосе неуверенность и страх. Отец был чем-то сильно взволнован, часто заговаривал с ней о будущем нации, делая акцент при этом, что не справится без некоторых верных соратников. Султанша пыталась вникать в то, что он говорил, хотела помочь, но, к сожалению, все её мысли занимали другие проблемы и переживания. И имя этим переживаниям и волнениям – Омер.

Сабиха не просто старалась не подавать виду, что её волнует троюродный брат. Она даже Улвие не обмолвилась о своих чувствах. Справиться с охватывающими её эмоциями в оди-

ночку Сабихе удавалось тяжело. И когда в мире наступил 1919 год, девушка решилась на безумный поступок. Руки дрожали, сердце билось так, что, казалось, его стук слышит весь город. Она писала о том, что у неё на душе, перечёркивала написанное, сминала листы бумаги, рвала, сжигала. И снова начинала писать. И снова перечёркивала. И снова сминала, рвала, сжигала. Она хотела кричать о своей любви. Выйти на улицу, встать посреди площади на возвышение и говорить каждому о том, как это прекрасно – любить. Просыпаться, шепча его имя. Улыбаться, ловя себя на мыслях о нём. Она была готова поведать всему миру, но не могла набраться храбрости рассказать Омеру о любви, что заложил в её сердце. Письмо – проверенный веками способ. Легко сообщить потаённое бумаге. Она скроет смущение и страх, овладевающие человеком. Она сохранит эти терзания, дрожь рук, трепет сердца и головокружение. А расскажет лишь самое главное – то, что следует рассказать.

Сабиха планировала отдать письмо лично. Или подложить на глазах у Омера, подав знак – это для него, это личное, никто не должен увидеть и узнать. Но при мыслях об этом к дрожи в руках добавлялась дрожь в ногах. Нет, она не сможет. Доставить судьбоносное письмо надлежало придвернику Али, хоть и отличающемуся невероятной неуклюжестью, но напроць лишённому любопытства и умеющему хранить секреты. И уже когда Али вернулся, доложив о том, что передал письмо лично в руки и никто этого не видел, Сабиха поняла, что не помнит ни строчки из того, что написала в письме. Что же там было? – волновалась она, ругая себя за поспешность и необдуманность поступка. Вошли в доставленное послание те слова или эти? Что она вычеркнула и сожгла окончательно, а что всё-таки доверила бумаге, как верному другу? Девушка бродила по заснеженному саду в надежде успокоиться и сосредоточиться.

Через некоторое время к попыткам вспомнить текст отправленного письма добавились тревожные мысли: что он подумал? Ответит ли он? Или просто сделает вид, что ничего не было? А может быть, он посмеётся над ней? Покажет её письмо султану или своему отцу? Сможет ли она после этого смотреть ему в глаза? Да, конечно же, не сможет! Она в одной комнате рядом с ним находиться не сможет! Теперь он потерян для неё навсегда! Поторопилась. Надо было просто жить, сближаться с ним, дать ему возможность первому сделать шаг. Зачем она так поторопилась? Надо было посоветоваться с кем-нибудь! С Улвие! Конечно же, с ней!

Сабиха почувствовала, как у неё озябли ноги и, войдя во дворец, попыталась согреться. Но ничего не помогало. Пальцы ног словно заledenели, а лицо при этом горело, как в огне.

– Да вы больны, султанша!

Её уложили в постель, вызвали врача, а она лишь думала о том, ответит или нет. Почему она не велела Али дожидаться ответного письма? Надо позвать Али. Надо сказать ему, чтобы ещё раз съездил, а вдруг... Сабиха то проваливалась в бездну, где нет мыслей и реальности, где одна пустота, то снова возвращалась в настоящее, где она лежит в кровати, за окном январь 1919 года, рядом обеспокоенная мама, а Омер ничего не ответил на её письмо.

К вечеру того же дня, когда Эмине оставила Сабиху под присмотром Шадие, в комнату постучал Али.

– Султанша!..

– Выйди сейчас же! Не видишь, госпожа больна!

– Пусть войдёт.

Али попытался незаметно вытащить конверт, но, сделав резкое движение, выронил. Белый квадрат мягко упал на пол. Сердце Сабихи замерло. Ответ. Он ответил! Она протянула руки, но Шадие перехватила её, не позволив двигаться.

– Вам нельзя, бесценная вы наша.

Али смущённо наклонился, поднял конверт и передал Сабихе. Затем, извинившись, поспешно покинул комнату. Шадие не стала спрашивать, что это за письмо, а просто помогла Сабихе удобнее прилечь на кровати, подложив подушки под спину. Когда девушка вскрыла

конверт, Шадие отошла в сторону, и, принявшись за отложенную вышивку, сделала вид, что не замечает волнения Сабихи.

Строчки в письме прыгали перед глазами. Сабиха не могла поверить, что и вправду Омер написал всё это. Она даже ушибнула себя, чтобы почувствовать боль – это не сон.

«Я пытаюсь вспомнить твой голос. Я пытаюсь возродить по памяти черты твоего лица. То, как ты улыбалась мне. То, как ты смотрела на меня. Я помню твои прикосновения к моей руке: невесомые, как облака, и нежные, как ветер. Мне хотелось бы, чтобы твоя рука лежала в моей руке вечно, – писал Омер – Я боролся с собой, боясь дать повод подумать, что ты значишь для меня слишком много. Подойти, постоять рядом, просто замереть на минуту, вслушиваясь в твое дыхание – вот предел счастья для меня и предел моих желаний. Как это произошло? Как ты стала для меня кем-то очень важным? Я собираю на нить воспоминаний те маленькие события, что связывают нас. Вот ты вбежала в наш дворец, словно лёгкая бабочка влетела в комнату, держа в руках книгу и спрашивая, читал ли я её. Вот ты выглядываешь из-за угла в холле Долмбахче, когда я пришёл к твоему отцу, и корчишь смешные рожицы, поддразнивая меня. Вот твои записочки, такие милые, но бессмысленные, оставленные после семейного ужина в карманах моего пальто. Когда же?»

Девушка, не удержавшись, счастливо рассмеялась в голос. Любовь победила! Она знала! Она верила! Жар отступил, оставив только лёгкую слабость. Она всё ещё больна, но уже готова бороться со всем на свете. Ведь она любит и любима! Что может быть лучше! И, не в силах молчать, она обратилась к Шадие:

– Скажите, вот когда мой отец сделал вам предложение, что вы испытывали? Вы ведь, как и я, долго не могли выйти замуж и уже, наверное, отчаялись, что такой день придёт. А потом вдруг из множества других, даже более молодых и красивых, отец выбирает вас. Наверное, вам было приятно?

Сказанное Шадие в ответ прозвучало словно из-за стены, стирая ощущение безграничного счастья и пугая до ужаса:

– Значит, вы знаете, что Мустафа Кемаль-паша попросил у повелителя разрешения жениться на вас, и султан серьёзно подумывает о том, чтобы согласиться?

3 глава

Мехмет Зияеддин

Родился 26 августа 1873 года в городе Стамбул Умер 30 января 1938 года в городе Александрия

Зияеддин, старший сын покойного султана Мехмеда V Решада, любил вторники. «У каждого шехзаде свои прихоти и капризы», – любил повторять он, выходя из дома, пританцовывая под музыку, слышимую только ему. Жители столицы, завидев рано утром мужчину в скромной одежде, совершающего странные телодвижения, сразу же понимали: сегодня однозначно вторник. Они приветственно кивали, пряча ухмылку за внезапными покашливаниями или усердными поглаживаниями бороды.

– Как идёт торговля, Исмаил-бей? – широко улыбаясь, спрашивал Зияеддин булочника, разгружающего повозку с мукой.

– Как поживает ваш сын, Ферузе-ханым? Я давно его не видел. Надеюсь, что он в здравии и ему потребна жизнь? – обращался шехзаде к худой женщине в чёрной одежде, открывающей двери небольшого ателье по пошиву мужских костюмов.

– Ахмед-бей! Какая встреча! Вы что-то давно не заходили ко мне. Приглашаю вас выпить чаю. Скажем, завтра, ближе к вечеру. Вас устроит? – воскликнул Зияеддин, пожимая руку сгорбленному мужчине шестидесяти лет на вид, встреченному недалеко от перекрестка.

– Ах, эфенди, какие сейчас чаепития?

– Что такое? Что-то случилось? Я могу вам как-то помочь? Вы только скажите!

– Мы словно в тюрьме. Словно заложники в своём доме. Как ваш дядюшка, да сохранит его Аллах и приумножит дни его, мог довести нас до такого? – покачивая головой из стороны в сторону, запричитал мужчина.

– Ахмед-бей, не волнуйтесь вы так. Всё это временно. Скоро жизнь наладится, поверьте мне.

– Вам легко говорить... Эти британцы! Они же ведут себя так, словно это мы у них в гостях! Правила для них не писаны, уважения к старшим не проявляют, даже обычную очередь не соблюдают. Режим капитуляции, говорят. У нас привилегии, говорят. Тьфу, да проклянёт их Аллах!

– Приходите завтра, и мы с вами спокойно обо всем поговорим. Хорошо?

– Поговорим, поговорим. Да только проку-то с этого? Никакой надежды на падишаха, никакой.

– Ахмед-бей, простите, но мне нужно идти. Я могу опоздать на работу, – смущённо улыбаясь и кланяясь, проговорил Зияеддин, прощаясь с мужчиной.

Он уже не раз подмечал: чем старше становится человек, тем больше его тянет на разговоры в самое неподходящее для того время. И место. Место – посреди улицы в оживлённом районе Константинополя – для обсуждения политики и происходящего сейчас в Османской империи более чем неподходящее.

Небольшая больница, где занимались исключительно лечением людей с кожными и венерическими болезнями, находилась в часе ходьбы от дворцового комплекса Маслак, в котором проживал Зияеддин со своей семьёй. В прочие рабочие дни, кроме вторника, шехзаде без колебаний выбирал автомобиль, чтобы добираться до больницы. После окончания войны и возвращения солдат недостатка в больных по его специальности не наблюдалось. Лишние сорок минут в день тратить на пешую прогулку при таком положении вещей неразумно. И Зияеддин легко изменил своим привычкам, сохранив утреннюю прогулку для одного дня – вторника.

Болезни, с которыми приходили вернувшиеся с войны солдаты, как правило, были двух видов. Либо разнообразные реакции на несоблюдение санитарных норм, либо венерические заболевания, вызванные чрезмерной любвеобильностью и неосторожностью в выборе сексуальных партнеров. Зияеддину нравилось наблюдать за этими вояками. Никого и ничего не боялись, но на приёме у него смущались, сжимались и испуганно высматривали исподлобья: что он скажет.

– Дорогой мой, так не пойдёт! Не будешь соблюдать всё, что я сказал – он у тебя отвалится! – восклицал Зияеддин, выразительно показывая рукой ниже пояса пациента.

Солдат, испуганно икнув, начинал причитать:

– Что же теперь делать-то, доктор? А если... не отвалится же, да? Если я сделаю сейчас – не отвалится? Доктор, как же я буду без него? Это как-то... Да не по-мужски будет, доктор. Меня же засмеют, меня же... Нет, доктор, так не пойдёт. Говорите, что делать. Всё сделаю, доктор.

Зияеддин, пытаясь держать серьёзное выражение лица, наставлял непослушного пациента впредь исполнять все предписания врачей. «Как они не замечают этот весёлый блеск у меня в глазах?» – размышлял Зияеддин, смотря в круглое зеркало, стоящее среди инструментов на полке, и ожидая, пока очередной солдат разденется.

Многие пациенты впадали в ступор, узнавая, что врач, к которому они приходят с очень деликатными проблемами, – член правящей династии. С тех пор, как падишахом стал Вахидеддин, градус удивления снизился. Рассказывать интимные моменты своей жизни легче племяннику султана, нежели сыну султана. Зияеддин в таких случаях всегда повторял: «В первую оче-

редь – я врач. И вы пришли ко мне как к врачу. Всё остальное – за этими дверями. Но выходя за эти двери – я забываю то, что происходило здесь и кого я здесь видел».

В годы правления Мехмеда V Решада журналистов с Запада интересовало чрезвычайно сильно: как так может быть, что сын правителя, принц по крови, лечит простых людей? Да ещё и от болезней, которыми легко заразиться. Ни в одной королевской семье подобного явления не встречалось. «Почему вы, в отличие от всех принцев вашей династии, избрали не военную карьеру, а медицину?» – спрашивали у него, ожидая, видимо, какой-то невероятной истории. Зияеддин им красиво рассказывал о призвании, об особом предназначении, что есть у каждого человека и нет смысла сопротивляться ему. «Если пойти против того, что для каждого определил Создатель, – всё, к чему прикоснёшься, превратится в камень или песок. Мы несём жизнь лишь когда следуем тому, что для нас предназначено. Даже если это выходит за общепринятые рамки и законы общества, предписанные для нашего социального статуса», – воодушевлённо произносил шехзаде заученные слова. Он никогда не умел так красиво изъясняться. Сын его дяди Абдул-Хамида, известный своим красноречием и, говорят, именно за это и любимый жестоким султаном, составил защитную речь сразу после того, как Зияеддин начал учёбу в медицинской академии. Используя эту речь всякий раз, когда кто-нибудь спрашивал: «Почему вы стали врачом и лечите простых людей?», Зияеддин удивлялся – и как семилетний мальчик мог составить такие идеальные предложения? А ещё с грустью осознавал, что настоящее предназначение у него в чём-то другом. Точно не в лечении людей. Прошло двадцать пять лет с тех пор, как он стал врачом, но не чувствовал, что несёт жизнь. Да, лечит. Да, спасает иногда жизни своим лечением. Но жизнь не несёт. «Так в чём же моё предназначение?» – размышлял он время от времени, признавая при этом – ему нравится то, чем он занимается.

Ближе к полудню, когда количество пациентов снизилось, Зияеддин наконец-то смог присесть отдохнуть и заодно разобрать корреспонденцию. На адрес больницы приходили в основном те письма, что касались профессиональной деятельности.

– Ага! – торжествуя воскликнул Зияеддин, вскрывая конверт, где по-французски было выведено его имя.

– Всё в порядке? – спросила тучная медсестра.

Пациенты не любили эту женщину за грубость и прямоту, а Зияеддину нравилось работать с Эльмой. Ничего лишнего, всё чётко по делу. От вида нарывов и разнообразных болячек нос не воротит. Не хихикает, вынуждая пациентов краснеть. Не отвечает на заигрывания пациентов. Идеальная помощница.

– Определённо. Пришло приглашение на международный конгресс по дерматологии.

– Только сейчас пришло? Конгресс же вот, через несколько недель. Перед прошлым конгрессом по дерматологии приглашение пришло, если мне не изменяет память, за пару месяцев, – медсестра раскладывала карты записей, делая пометки карандашом в правом верхнем углу. Всем своим видом она показывала, что ей глубоко безразлично и приглашение, и сам конгресс для именитых врачей-дерматологов.

Зияеддин вернулся с перерыва на обед, тщательно помыл руки, обеззаразил спиртом и, рассматривая чёрные стволы деревьев за окном, улыбнулся. Вечер вторника, особенный вечер каждой недели, всё ближе и ближе. Через несколько часов он покинет здание больницы. «Надо вызвать автомобиль, чтобы за мной приехали. Или взять извозчика», – снова отдаваясь во власть только одному ему слышимой мелодии, размышлял Зияеддин, двигаясь верхним корпусом тела в танце. Пальцы левой руки отбивали ритм на поверхности стола, как

на давуле*⁹. А правой рукой он дирижировал воображаемым музыкантам. Зияеддин настолько сильно увлекся, что не заметил, как открылась дверь и Эльма ввела в кабинет двух мужчин.

– Всё подвержено переменам, кроме огня, воспламеняющего душу смертного человека. Ваша радость и внешнее благополучие вызывают лишь благодарность сердца к Всевышнему, хвала Ему, великому и несравненному, – заговорил тридцатичетырехлетний мужчина в щегольском костюме.

«Как всегда: красиво выглядит и изъясняется как поэт», – с тенью зависти подумал Зияеддин, поднимаясь с кресла, чтобы поприветствовать вошедших.

Любимый сын Абдул-Хамида, шехзаде Бурханеддин, а это был он, с интересом осмотрел кабинет. Зияеддин с любопытством наблюдал за выражением лица гостя. Идеальная чистота и порядок вызвали гордость и приступ самодовольства. И пусть этот порядок и чистота поддерживались Эльмой, находящейся тут же и недовольно смотревшей на обувь посетителей. Если бы на месте сыновей Абдул-Хамида, внезапно посетивших больницу, был кто-то другой – она бы уже произнесла гневную речь про нарушение санитарии и порядка. «И ботинки следует очищать от грязи, когда заходите в такое заведение, как больница! Это вам не публичный дом, где вы, по-видимому, частый посетитель», – непременно заявила бы Эльма. Но, несмотря на прямоту и резкость характера, женщина не рискнула обратиться к шехзаде как к прочим посетителям. А лишь выразительно посмотрела на их обувь и резко выдохнула через нос.

– К добру ли, братья мои? – спросил Зияеддин.

Профессиональные навыки давали о себе знать. Он подметил и смущение на лице второго вошедшего, и то, как молодой шехзаде потирает локоть, словно хочет стереть позорное пятно. «Ах, Нуреддин! Неужели пошёл весь в отца, такой же любвеобильный, да? Жениться бы тебе, а не искать на стороне женскую ласку и внимание», – подумал Зияеддин, улыбаясь.

– Не может быть и тени сомнения: к своим по крови – всегда к добру и с добром.

Зияеддин провёл рукой по усам, довольно отмечая, что ему они идут больше, чем двоюродным братьям. Соперничество среди шехзаде – дело распространённое. И если обычно оно разворачивается на военном поприще, где каждый стремится показать себя с лучшей стороны и сыскать славы, то Зияеддину приходилось непросто в этом противостоянии. Экзема, проявившаяся в детстве, решила всё за него – никакой военной службы. И если он и позволял себе присоединиться к извечной борьбе шехзаде за признание быть лучшим, то только в скачках на лошадях. Ему напротив – больше нравилось представлять себя вне этого вечного соперничества шехзаде. Так он чувствовал себя особенным. Словно он – уже победил их всех, каждого принца османской династии среди живущих ныне.

– Если вы пришли ко мне как к брату – предлагаю пройти в более комфортное и приятное место для беседы. А если как к врачу, то мне придётся попросить Эльму остаться, потому что без неё я как без рук, – Зияеддин видел, что последнее его предложение не понравилось Нуреддину.

«Сколько ему? Семнадцать? Нет, должно быть восемнадцать лет. Он на два года старше моей Дюррие. Пора уже перестать смущаться. Не мальчик уже», – размышлял Зияеддин, пока Эльма привычными движениями раскладывала все необходимое для осмотра.

– Это... может, и не понадобится, – наконец-то заговорил Нуреддин. – У меня просто какое-то странное пятнышко – вот здесь.

Он торопливо снял пальто, дрожащими пальцами расстегнул пиджак. Зияеддин изо всех сил пытался держать себя в руках. «Профессионализм, профессионализм», – напоминал он себе. «Я врач со стажем», – мысленно повторял он, смотря как сын грозного Абдул-Хамида путается в рукаве пиджака, торопливо закатывает рубашку и вопросительно поднимает на Зияеддина голову. Решад, отец Зияеддина, прожил всю жизнь, опасаясь старшего брата. Боялся

⁹ *** Давул – большой двуглавый (двухсторонний) барабан, на котором играют колотушками.

сказать лишнее слово. Боялся выйти из дворца. Боялся жить. Иногда Зияеддину даже казалось, что отец боится думать и мечтать. А сейчас перед ним блёклая, но всё же копия, того самого Абдул-Хамида, держащего в страхе всю династию. И эта копия дрожит, боится и замирает от небольшого пятнышка на коже.

– Что, привез сувенир на память? Надо было думать больше о сражениях, а не... Да, спасибо, Эльма. Так, что у тебя тут? Хм. Интересно. Надо осмотреть тебя полностью. Раздевайся. Что? Да не бойся ты. Просто нужно убедиться, что это единственный очаг поражения и нет других симптомов.

Пока Зияеддин осматривал Нуреддина, любимый сын Абдул-Хамида сел в кресло, не спросив разрешения. Он рассматривал бумаги на рабочем столе без видимого интереса, но так, словно он в своём кабинете.

– Как к себе домой, – пробурчала Эльма, покачав головой, чем вызвала решимость у Зияеддина премировать помощницу в этом месяце.

Обычно Бурханеддин вызывал у женщин, независимо от их возраста, совершенно другие эмоции. «Если она ещё и накричит на него – буду доплачивать от себя по десять лир ежемесячно», – подумал Зияеддин, закончив осмотр.

– Так и думал. Обычное дело. Ты же до сих пор в гостинице живёшь?

Нуреддин кивнул, натягивая брюки.

– Клопы в постельном белье – обычное дело. А теперь ещё и всю одежду, твою и Бехидже-кадын эфенди, обработать надо.

– А точно? Может быть, я всё-таки болен? Чем-то...

– Да здоров как бык – пахать и пахать на таких надо, – рявкнула Эльма, выходя из кабинета.

Первые пару лет совместной работы Зияеддина задевали такие внезапные уходы без разрешения на то. Он не требовал, чтобы перед ним преклонялись и лебезили, как пред шехзаде. Но как врач ожидал должного отношения от своих подчинённых. А потом всё же понял: Эльма уходит исключительно в те моменты, когда чувствует, что больше не нужна и даже может мешать. Как сейчас, например.

– Длительная вседозволенность стирает нормы поведения из памяти. А это, в свою очередь, приводит к беспорядку и разрухе во всём, – прокомментировал Бурханеддин действия медсестры. Затем, взяв одно из писем со стола, сказал, обратившись к Зияеддину. – Я возлагал надежды, что вас пригласят и в этот раз на международный конгресс по дерматологии. Хвала Аллаху, это совершилось.

– Каждый год приглашают – почему не должны были пригласить в этот раз?

Зияеддин почувствовал себя неуютно. Обычно он после осмотра пациентов проходил через весь кабинет, садился, откидываясь на тёмно-зелёную спинку скрипучего кресла. В этот раз ему ничего не оставалось, как занять одно из кресел, предназначенное для приглашённых людей. Зияеддин редко принимал гостей в кабинете. Из-за невозможности расширить рабочую зону, отделив рабочий кабинет от смотровой, он прекрасно понимал, что людям некомфортно вести различные беседы там, где осматривали пациентов. Тем более, что большинство посетителей этой больницы заразные. Но именно для таких случаев, когда вошедшие в кабинет – совершенно здоровы и хотят поговорить с ним – Зияеддин лично подобрал кресла. И сидя на одном из них, он в очередной раз довольно отметил, что для гостей выбрал самые удобные кресла. «Даже поудобнее моего», – подумал он, расслабившись.

– Неспokoйные ветра дуют не только над Османской империей. Ныне вся Европа словно стог сена, которому достаточно небольшой искры – и вспыхнет пламя.

– Вот как? А почему ты хотел, чтобы меня позвали на это конгресс?

– Мне есть, что сказать вам. Надеюсь, что вы расположены выслушать?

Зияеддин проследил взглядом за Нуреддином. Молодой шехзаде уже оделся. С растерянным выражением лица Нуреддин присоединился к братьям, сев напротив большого окна. Зияеддин улыбнулся и взмахнул рукой, словно говоря: «Вот видишь, всё просто отлично! А ты переживал». И только когда Нуреддин улыбнулся в ответ, повернулся обратно к Бурханеддину.

– Конечно, брат мой. Я слушаю.

– Последние недели размышления не оставляют меня ни на минуту. Мы летим в пропасть, и погибнуть в ней или уцепиться за спасательную верёвку – всё только в наших руках. Оккупационные власти взяли под свой контроль все банки, фабрики, рудники. Нам уже ничего не принадлежит.

– Если ты хочешь обсудить политические решения нашего дяди, то в этом нет смысла. Вина за то, в каком состоянии сейчас страна и нация, на нём в той же мере, в какой и на моём отце, и на вашем.

– Отец делал всё правильно! Это младотурки во всём виноваты! Свергли отца, посадили вместо него вашего отца, брат, лишив его фактической власти. Они принимали решения, они управляли страной, доведя её до такого состояния! – воскликнул Нуреддин, ударив правой рукой по подлокотнику.

– Несомненно, можно также подметить, что в равной степени вина возложена и на каждого, кто смотрел и не вмешался, – заметил Бурханеддин. – Но я не об этом хотел поговорить. Нуреддин, не теряй самообладания. Есть вещи поважнее.

– И что же это? – с любопытством спросил Зияеддин.

– Наше будущее. Будущее династии, будущее каждого из нас. Сейчас во Франции проходит мирная конференция, где совет Антанты принимает решение и о нашем будущем в том числе. И каким бы ни было решение – изменчива жизнь. Может статься так, что придётся искать убежища. Нет смысла рассчитывать на верность и преданность людей, если она не будет восполнена золотом. Если мы вывезем часть драгоценностей и золота из страны и спрячем там, где никто не найдёт, и если наступит такое время, что придётся искать убежище, – нам будет чем отплатить за верность и преданность. И предстоящий конгресс по дерматологии – наипрекраснейшее покрывало. Конечно, Аллах может быть милостив к нам, да будет так! – и вывезенные ценности могут не пригодиться, но готовность ко всему, даже к самому худшему, должна присутствовать в каждом члене династии.

– Ты хочешь подстраховаться на случай бегства? Ты разочаровываешь меня! Разве этому учил нас отец? Разве таким он хотел видеть своих сыновей? – возмутился Нуреддин, показывая Зияеддину, что он впервые слышит подобное предложение.

Вот только Бурханеддин поднимал эту тему и после смерти Абдул-Хамида, и после смерти Решада. Всякий раз, когда умирал султан, даже сверженный за много лет до своей кончины, кто-то получал свободу. Это могло быть в прямом смысле, как произошло после смерти Мурада, когда дети и внуки, проведенные в заключении многие годы, получили возможность покинуть дворец Чыраган, бывший их тюрьмой. Дети Абдул-Хамида и Решада, не ограниченные физически, были лишены права выбирать то, что им по сердцу. Абдулкадира и Бурханеддина вынудили отказаться от возлюбленных. И если Абдулкадир, будучи бунтарём по натуре, до последнего отстаивал право любить не по приказу, а по велению сердца, то Бурханеддин, на первый взгляд, легко принял волю отца в этом вопросе. Но после смерти Абдул-Хамида, практически ровно год назад, он проговорился Зияеддину, что теперь ничто не мешает ему быть вместе с любимой. Кроме правил и порядков, которым они вынуждены следовать. «О чём ты?» – спросил Зияеддин тогда двоюродного брата. Бурханеддин лишь сказал: «Она вдова» и «Мы не сможем быть вместе в Османской империи». «Только Европа сможет принять нашу любовь», – заявил тогда Бурханеддин, впервые подняв тему вывода денег за границу. Несколько месяцев спустя, после смерти султана Мехмеда V Решада, Бурханеддин пришёл к Зияеддину со словами: «Теперь и вы обрели свободу следовать велениям сердца».

И снова заговорил о том, что там, на Западе, это будет проще. Но Зияеддин и тогда не согласился, следуя вейниям сердца лишь слегка. Только по вторникам. В остальное время он – хороший врач, любящий отец, заботливый муж и разумный шехзаде. Всё, как положено, как ожидают от него, от представителя великой династии Османов.

– В сложившейся ситуации, я совершенно уверен, и наш отец воспользовался бы возможностью обезопасить будущее династии.

– Это не безопасность, это проявление бесчестия!

– Я всё равно не поеду, – пытаюсь остановить зарождающийся спор между сыновьями Абдул-Хамида, сказал Зияеддин. И понимая, что от него потребуют объяснений, продолжил:

– В Париже для меня может быть небезопасно. Тем более практически сразу после проведения этой мирной конференции. И неважно, какое решение на ней примут по отношению к нашей стране.

– А разве в годы войны было безопаснее? – подозрительно спросил Нуреддин.

Для Бурханеддина сказанного вполне достаточно, чтобы понять – и в этот раз Зияеддин отказывается помогать. Но молодой шехзаде жаждал логичных объяснений. И если Бурханеддин, обладая отменным красноречием, смог завуалировать истинную причину под желанием обезопасить династию, то Зияеддину ничего не оставалось, как рассказать о том, что имеет значение только для него:

– Я думаю, вы знаете, что я покровительствую Танбури Джамиль-бею. Уже всё готово к записи первой пластинки этого поистине великого турецкого музыканта. И запись запланирована как раз на те дни, когда проводится съезд дерматологов. Я уже дал слово, что лично буду присутствовать на записи.

Бурханеддин усмехнулся и, поправив галстук, высокомерно произнёс:

– Пустая трата денег и бесценного времени. И запись пластинки, и помощь музыкантам. Они же сброд!

Сказанное любимым сыном Абдул-Хамида не удивило Зияеддина. Подобные слова он слышит каждую неделю. Кто-нибудь из династии считал своим долгом отчитать Зияеддина за вторники, дарующие ему желание жить. «Да что бы ты понимал», – подумал он, опуская голову. На ковре, тускло поблёскивая, лежала запонка. Он искал её уже какую неделю! «Ах, Эльма! Ну вот как было можно так убирать, что в кабинете на первый взгляд – идеальнейший порядок, а запонка-то лежит! На самом виду!» – подумал Зияеддин, поднимая потерянную вещь и убирая во внутренний карман пиджака.

– Как сказать, – возразил тем временем старшему брату Нуреддин. – Музыканты из военного оркестра «Мехтер»...

– Это лишь красивая легенда, – перебил Бурханеддин, поднимаясь с кресла.

Брата – привёл, что хотел – сказал. А теперь уходит, не обращая внимания на то, что разговор ещё не окончен и собеседники не против продолжить общение. «Как это в духе их отца», – подметил Зияеддин, поспешно занимая освободившееся место.

– А что насчёт оркестра? Мне очень интересно послушать, – наблюдая за реакцией Бурханеддина, спросил Зияеддин.

Бурханеддин усмехнулся, но обрывать разговор не стал. Он подошёл к окну и начал рассматривать доступный взгляду Константинополь.

– В детстве про них много слышал и тоже думал – легенда, что-то из прошлого, – довольный оказанным вниманием, рассказывал Нуреддин. – Но нет, с началом войны оркестр восстановили. И это спустя почти сто лет! Ведь корпус янычар разогнали вместе с музыкантами. Я лично видел, сталкивался с ними в сражении под Харбином. И тогда понял, почему их музыку называют символом суверенности и независимости. Я сам ощущал, как от звуков музыки оркестра «Мехтер» появляется сила и смелость. Словно они нас околдовывали магическими звуками, лишая слабостей. А когда они пели «Рахим Аллах, Керим Аллах», («Милосердный

Господь, Благостный Господь») боль словно утихала. И как можно отступить и поддаться боли, когда знали: мы идем в бой за знамя, развевающееся над оркестром! Наш командир говорил, что эти звуки – молитвы наших родных и близких. Это последние вздохи шахидов, проливших кровь за независимость нации. Это плач нерождённых детей, которые должны видеть только славу и величие Оттоманской армии. И это... это было прекрасно! Музыка несла нас вперёд, словно на крыльях. Поднимала, когда падали. Воодушевляла, когда готовы были сдаться. Нет, брат мой, музыка – это не пустая трата времени и денег!

Зияеддин, слушая рассказ Нуреддина, на секунду представил себя на поле боя, вместе с солдатами. Играет на давуле, воодушевляя и поддерживая. Как единое целое, они ведут страну к победе под белой луной на красном полотне. Оркестр играет, выстрелы вторят, эхом отдаваясь по округе. А турецкие солдаты идут вперёд, непобедимые и великие. И «Мехтер» как свидетель, как опора, как предвестник пришествия непобедимой армии. Слава об оркестре, внушающем страх противникам, как когда-то слава о воинственной нации, облетает весь мир. И слово «Мехтер» становятся синонимом великой музыки. И он – часть такого величия. Но всё это – лишь мечты. Член Династии, ставший доктором, и член Династии, ставший, практически, бродячим музыкантом – не одно и то же. Не поймут. Не примут. Даже если воспринимать военный оркестр «Мехтер» как неотъемлемую часть армии – это не одно и то же, что быть солдатом. Да и слишком поздно менять что-то. Слишком поздно. Зияеддин с завистью смотрел на восемнадцатилетнего Нуреддина, перешедшего на рассказ о личных боевых подвигах. «Если бы мне было восемнадцать лет. Да даже тридцать! Я бы мог изменить всё, жить по-другому. А сейчас – какой из меня музыкант? Я только и могу – писать песни, надеясь, что их когда-нибудь кто-нибудь споёт. Да собирать в своём доме музыкантов по вторникам. А сам... Эх!» – тоскливо размышлял Зияеддин, ощущая, что радость ожидания предстоящего вечера притупилась. Если бы он мог – отменил бы не раздумывая. Но нет, всё готово. Приглашённые музыканты больше, чем он, ждали вторника, чтобы вновь собраться в кругу равнодушных к искусству. Чтобы вновь помечтать всем вместе о чём-то новом, прекрасном и удивительном. Зияеддину, беззаветно влюблённому в музыку, только и оставалось, что мечтать.

Рабочий день заканчивался. Эльма уже ушла, не забыв навести порядок в кабинете. Зияеддин сделал последние записи в медицинских картах и потянулся за тёмно-серым пальто, напевая незатейливую мелодию, когда открылась дверь и вошёл ещё один представитель династии. Трое за один день. Параноик заподозрил бы заговор при таком стечении обстоятельств. Суеверный обязательно бы решил – это знак. Прочие бы просто задумались – странно, не правда ли? Но для Зияеддина это был обычный день. Принимать у себя, на работе или дома, самому навещать многочисленных родственников – не просто привычка, но и образ жизни для него. Зияеддин удивился бы другому – если бы за день пути пересеклись только с одним членом дома Османов.

– Племянник мой! – воскликнул Зияеддин, обнимая старшего потомка султана Мурада. – Давно не виделись! Как...

– Я не с добром, дядя, – перебил гость, нахмурившись.

– Ты заболел?

– Нет. Не я. Твоя дочь. Определённо не в порядке. Ты должен сделать что-нибудь. Хватит с нашей семьи позора из-за женских чувств.

Зияеддин растерялся, не зная, что ответить и как себя вести. Снять пальто, пригласить пройти и обсудить всё с самого начала или покинуть наконец-то этот кабинет и решить возникшую проблему в другом месте?

– Ты домой? Я отвезу. По дороге поговорим, – словно прочитав смятение Зияеддина, предложил внук султана Мурада, открывая дверь и пропуская дядю.

Нихад, рождённый во дворце Чыраган во время заключения всей семьи султана Мурада, отличался консервативностью. В то время как вся династия перешла на удобные, практичные и модные автомобили, Нихад до сих пор пользовался дормезом*¹⁰. Зияеддин сразу же накинул на ноги шерстяное одеяло, лежавшее на сиденье. Нихад дал сигнал извозчику и дормез, поскрипывая рессорами, двинулся в сторону дворцового комплекса Маслак.

– И которая из моих дочерей отличилась? – спросил Зияеддин, потирая озябшие руки.

– Дюррие.

– Я строжайше наказал: если она приблизится к павильону Пашалар – под домашний арест. Повторится – отправлю из столицы! А то замуж выходить она отказывается, а вокруг солдатских покоев так и увивается!

– Всё куда хуже. Я боюсь повторения истории моей тёти, Кемаледдина-паши и Наиме-султан, – проговорил Нихад, задернув шторку на окне дормеза.

В любой семье бывают позорные моменты, скрываемые под десятками покрывал. О них умалчивают даже между собой. Стыдно. Неприлично. И делают вид – словно ничего и не происходило. А есть такие моменты, которые не утаить. И не смолчишь. Не забудешь. Хатидже-султан, тетя Нихада, с самого рождения обречена на сложную судьбу. У власти – Абдул-Азиз, шехзаде Мурад – наследник престола. И, как наследнику, ему запрещают иметь больше одного ребёнка. Единственный сын Мурада, Селахаддин, был этим ребёнком. И когда стало известно, что вторая жена Мурада беременна, Абдул-Азиз приказал избавиться от плода. Подкупом и обманом удалось спасти дитя. Хатидже скрывали несколько лет. Когда на трон взойшёл её отец, девочка получила свободу. На три месяца. А затем отправилась во дворец Чыраган. Хатидже выросла, становилась красавицей, но мир не знал о её существовании. Точнее – потенциальные женихи не знали о ней. Когда ей исполнилось двадцать восемь лет, она стала умолять Абдул-Хамида найти ей и её сестре мужей. Чтобы показать девушек обществу, Абдул-Хамид забрал их из Чырагана с условием, что они больше никогда не увидят отца. Никогда не смогут вернуться во дворец, откуда так пытались сбежать все эти годы. Не увидят родных. Девушки приняли условие, поселились в Долмбахче, но ничего не изменилось. Замуж брать их никто не торопился. В статусе «девушки на выданье» находилась и дочь Абдул-Хамида, Наиме. И почти в одно время девушек в итоге выдали замуж. Наиме – за красивого и умного Кемаледдина-пашу, человека очень благородного происхождения. А дочерей сверженного султана Мурада – за простых служащих, получивших титулы и звания исключительно благодаря этим союзам. И они далеко не так красивы и умны, как Кемаледдин-паша. Хатидже сначала согласилась с выбором кровавого султана, а когда попыталась воспротивиться браку – было поздно. Абдул-Хамид настоял на замужестве племянницы. Хатидже не смогла сопротивляться, но затаила обиду. И отомстила Абдул-Хамиду, влюбив в себя мужа сестры. Кемаледдина-пашу сослали, разведя перед этим с Наиме. Хатидже-султан не наказали только потому, что она член династии. Но её история стала нарицательной – всем султаншам внушали никогда не повторять за Хатидже. Но Зияеддин не был Абдул-Хамидом, а Дюррие не была племянницей кровавого султана Хатидже. Он желал всего самого лучшего для своей старшей дочери. Более того, Зияеддин согласен, чтобы Дюррие вышла за любого, кто ей приглянется, независимо от его положения в обществе.

– Я не понимаю, каким образом моя дочь может повторить эту глупость, – проговорил он, выжидающе всматриваясь в лицо племянника.

– Сегодня, на выходе из своего кабинета, я встретил её. Спросил, что делает в здании правительства. Заметил, что сейчас небезопасно находиться здесь. Да и вообще в городе. Одной. Она выискивала Мустафу Кемаля. Ещё и попросила меня провести её к нему в кабинет. Видите ли, любит она его. И на ней, а не на Сабихе-султан, он должен жениться.

¹⁰ *** Дормез – старинная большая дорожная карета для длительного путешествия, приспособленная для сна в пути

Зияеддин в сердцах ударил ладонью по колену и зажмурился. Вот что с ней делать? Он думал, что симпатия к Кемаль-паше – временная и пройдет. Расположенность юных девушек легко заслужить, но стоит подуть противоположному ветру – от неё не останется и следа. И другой предмет симпатии легко стирает следы о предыдущем. Прошла почти неделя с тех пор, как Зияеддин вместе с дочками навестил Сабиху-султан. Девушка полностью поправилась, но выглядела очень подавленной и расстроенной. Зияеддин пытался развлечь её, играл на пианино, рассказывал забавные истории, которыми обильно делились с ним пациенты. Его дочери также пытались поднять настроение сестре. И уже на обратном пути Дюррие рассказала, о том, чем с ней поделилась Сабиха-султан:

– Её хотят отдать замуж за Мустафу Кемаля, а она с ним не то, что ни разу не разговаривала – не видела до сих пор. И вообще она не верит, что можно наладить семейную жизнь с командиром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.